

**Военные
Приключения**

НЕЛЕТАЛ ИЗ КЁНИГСБЕРГА

НИКОЛАЙ ЧЕРКАШИН

Военные приключения

Николай Черкашин

Нелегал из Кенигсберга

«ВЕЧЕ»

2014

Черкашин Н. А.

Нелегал из Кенигсберга / Н. А. Черкашин — «ВЕЧЕ»,
2014 — (Военные приключения)

Действие остросюжетного военно-исторического романа известного российского писателя Николая Черкашина начинается накануне Второй мировой войны. Главный герой – военный разведчик-нелегал Николай Лунь проходит через множество испытаний, но сохраняет верность своему делу и своему Отечеству. В неожиданных поворотах его судьбы раскрывается мужественный характер разведчика-патриота. Автор дает свою трактовку начального периода Великой Отечественной войны, рисует картины героической обороны Брестской крепости.

© Черкашин Н. А., 2014

© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

От автора	5
Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	39
Глава четвертая	50
Глава пятая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Николай Андреевич Черкашин

Нелегал из Кёнигсберга

*Посвящается Александру Михайловичу Агафонову
(он же – Алекс Глянцев,
он же – Александр Попович,
он же – Александр Качурин),
чья жизнь вобрала в себя все тернии XX века,
и который вышел победителем из всех испытаний.*

От автора

Я не особый поклонник детективного жанра, но был восхищен воистину детективной судьбой героического человека, с которым мне однажды посчастливилось подружиться, – Александра Михайловича Агафонова. Тогда он жил в Севастополе, потом наше знакомство продолжилось под Питером, в Колпино, куда ему пришлось переехать, и, наконец, в Париже, куда он был вынужден перебраться после 1991 года, и где погребен в 2010 году на историческом кладбище Сент-Женевьев де Буа. Он прожил 90 лет, несмотря на то что четырежды его приговаривали к смертной казни. То, что выпало этому человеку, не сочинит ни один разработчик крутых сюжетов. Но о своих невероятных приключениях Александр Михайлович рассказал сам в своих книгах «Записки бойца “Армии теней”», «Схватка над пропастью» и других. Горжусь, что мой друг стал известным писателем русского зарубежья. Его книги были изданы сначала в Германии, потом во Франции и, наконец, в России.

По судьбе Агафонова, со всеми ее непредсказуемыми поворотами, как по лекалу, я прочертил и жизненный путь героя этого романа – военного разведчика-нелегала Николая Северьянова (агентурная кличка Лунь). И если кому-то покажется, что автор с перебором наделил его лихими приключениями, я всегда сошлюсь на Александра Михайловича Агафонова – мол, в реальной жизни бывает еще и не такое! И Агафонов, теперь уже, увы, молча, подтвердит это со страниц своих документальных книг.

А еще этот роман о первых днях войны Западного фронта, его 4-й армии, перекрывшей вермахту в Бресте и других городах Западной Белоруссии прямой и кратчайший путь на Москву, о судьбах ее оболганных военачальников и забытых рядовых. В ткань произведения вкраплены некоторые реальные малоизвестные события и реальные исторические персонажи. Некоторые фамилии невымышленных героев изменены.

Автор выражает сердечную благодарность всем, кто помогал собирать и готовить материал к этой книге. Прежде всего, семьям генералов А.П. Коробкова и Л.М. Сандалова, сыну моего друга – Виктору Александровичу Агафонову, заместителю директора Музея героической обороны Брестской крепости Л.Г. Бибик, заведующему филиалом музея «6-й форт» А. Каркотадзе, историку Е.В. Юриной, брестскому краеведу и фортификатору Д. Шакирову, сотруднику Дома русского зарубежья Н. Кузнецову, автору замечательной книги «1941 год. Разгром Западного фронта» Д. Егорову (Калининград), фортификатору и знатоку Восточной Пруссии С. Лаурушонису (Калининград), военным историкам Р. Алиеву и И. Рыжову (Москва), А. Овсянову (Калининград), Е. Соколову (Валуйки), историку-архивисту М. Черкашиной (Москва), Кшиштофу и Эве Пилявским (Варшава), О. Шелевенько (Клайпеда).

Лунь – род хищных птиц из семейства соколиных, стройные птицы средней величины.
Из энциклопедии

Бел, как лунь, на лбу морщины,
с испытаным лицом,
Много видел он кручины
на веку своем.

Иван Никитин

Воинское дело есть трудное, скорбное и трагическое. Но необходимое и служащее благой цели. Средства его жесткие и несправедливые. Но именно поэтому дух, которому вручают эти средства, должен быть крепок и непоколебим.

Иван Ильин, русский философ

Глава первая

Лунь

Как и триста лет тому назад, в этот февральский день 1939 года кёнигсбергские колбасники вынесли на площадь перед Королевскими воротами самую длинную в Пруссии, а может быть, и во всем мире, колбасу. Двухсотметровую «змею», начиненную вкуснейшим фаршем, они вынесли на шестах под звуки озорной «Розамунды» в исполнении духового оркестра пожарных, а потом кольцами уложили на огромную жаровню. Жители города уже выстраивались в очередь за праздничным угощением. Неподалеку на тумбе из мореного дуба возвышалась большая голова правителя Пруссии рейхсмаршала Германа Геринга, сотворенная рыбаками из центнера селедочного масла. Ряженные «бременские музыканты» играли на тромбонах, аккордеонах, гармониках, флейтах и цимбалах народные танцы – мазовки, польки и ландлеры, а танцоры – мужчины в красных жилетах и черных шляпах, лихо кружили своих подруг в длинных зеленых юбках с белыми кружевными передничками, увлекая их то в «воротца», то в «ручейки», то в сквозные проходы.

И королевские шуты в красных колпаках с бубенчиками проказничали в толпе, нагло обнимая пышногрудых женщин или приподнимая юбки зазевавшихся дам.

Но самый громкий смех слышался там, где исполняли танец немецких лесорубов: семеро увальней в кожаных шортах и тирольских шляпах – вразвалочку, как гномы – вынесли на площадь большое бревно и принялись его рубить, ловко попадая топорами в такт веселой музыки. А потом попарно сцепились руками и ногами стоячим «валетом» – одна голова вниз, другая вверх – отбивая при этом такты, громкими шлепками по задницам друг друга.

Мало кто знал в этом безмятежном богатом и красивом городе со столичными замашками, что Кёнигсберг был еще и столицей международного шпионажа. Ни в одном другом городе мира не работали так плотно и напряженно разведки едва ли не всех европейских стран. Тут плели свои тайные нити и британская МИ-6, и Второе бюро французского Генштаба, и польская «двуйка», и резидентура иностранного отдела НКВД СССР, и представители литовской «Коллегии», агенты Разведывательного управления советского Генерального штаба. Не оставляли Кёнигсберг без внимания и финны, и шведы, не говоря уже о сотрудниках головного органа германской разведки на Востоке – Абверштелле «Кёнигсберг». Под черепичными крышами многочисленных консульств и торговых представительств, конспиративных квартир и домов нелегалов, салонов и ресторанов, пивных погребков и магазинов шла секретно-скрытная и опасная работа. По сути дела, вызревала новая мировая война, и стрелы ее будущих ударов прорисовывались именно здесь, в потоках стратегической информации, которые расходились из Кёнигсберга по скрытым каналам в генеральные штабы ведущих европейских держав.

Невысокий широкоплечий человек, одетый, как и большинство здешних бюргеров – в серый плащ-реглан и такую же серую шляпу с узкими полями, в хорошо начищенных штиблетах, – был одним из тех, кто вершил эту тайную и опасную работу во благо своего государства – СССР. В нем не было ничего от классического шпиона. Ни острого пронизательного взора – скорее слегка рассеянный взгляд серо-голубых глаз, ни хищной собранности, готовой к любой неожиданности, к мгновенному отпору – скорее некая расслабленность преуспевающего малого, у которого все в порядке; не было у него ни поднятого воротника и надвинутой на глаза шляпы, ни висящего под мышкой пистолета... И тем не менее это был один из лучших вербовщиков кенигсбергской резидентуры, известный Центру под кличкой Лунь. Он же – в узком мирке посвященных – капитан зафронтовой, то есть внешней военной разведки, Николай Северьянов. В Кёнигсберге только один человек знал это его подлинное имя – резидент-нелегал, руководивший его работой, майор Петр Гурташов, он же Орлан. Вот к нему сей-

час и направлялся Лунь, отыскивая назначенный для встречи пивной погребок «Рюдеит» близ Королевских ворот. И вся эта праздничная веселая суэта прекрасно прикрывала его от слезки, если она только велась. Лунь на 90 процентов был убежден, что слезка за ним никогда еще здесь не велась и пока не ведется, но ведь береженого Бог бережет... А посему он пристроился в очередь за колбасой-анакондой, оглядывая площадь и всех, кто толпился рядом.

От классического разведчика у Луня было разве что ни чем особым не запоминающееся лицо. Никаких броских примет. Ну, еще обаятельная улыбка, которая так помогала ему в вербовочных беседах или при знакомстве с нужными женщинами.

Вербовать «нужных женщин» через постель Резидент полагал весьма надежным и эффективным способом добычи информации. Но Лунь за все десять лет своей службы в военной разведке так ни разу и не применил этот способ, хотя слыл в своих кругах толковым вербовщиком. Обольщение будущих поставщиц информации полагал он делом бесчестным и не достойным настоящего мужика. Об этом они с Орланом не раз спорили под настроение и если располагала обстановка. Они хорошо знали друг друга еще по учебе в Ропшинской спецшколе и были откровенны между собой настолько, насколько позволяла весьма относительная в их случае субординация «начальник – подчиненный».

– Да, да, ты сейчас скажешь, что разведку, как и революцию, в белых перчатках не делают, – упреждал Лунь оппонента, – и для добычи материала все средства хороши. Ведь скажешь же?!

– Скажу! – усмехался Орлан.

– Да, не делают, соглашусь и я. Но перчатки перчаткам рознь! Можно работать не в белых, а в черных драных перчатках монтера, а можно в вонючих рукавицах говночиста.

– Ну, ты хватил! Жизнь заставит – и рукавицы говночиста натянешь, а может быть, и голыми руками в дерьме будешь рыться.

– И опять я с тобой не спорю! – коварно соглашался Лунь. – Но зачем же без крайней нужды это делать? Вот ты, допустим, затащил бабу в постель, а потом она тебе начинает информацию поставлять. Но это та же проституция, только наоборот! Получается, не ты с женщиной расплачиваешься, а она с тобой – за доставленное удовольствие. Хорошо, если только удовольствие, а то ведь за страх и шантаж. Это вообще хуже всякого сутенерства!

– Да что ты из себя Исусика строишь?! – начинал выходить из себя Орлан. – Тоже мне – святой Ибукентий! Просто ты ни разу баб не фаловал!

– Как это «ни разу»? А кто тебе мадам Бовари вербанул? А Маркитанку? И заметь – никаких постельных отношений. За идею пошли!

– Э... На одной идее далеко не уедешь, – усмехался Орлан, поседевший раньше своих сорока пяти. – Идеалист ты, братец. А марксизм на корню не признает идеализма. Переходи лучше в наш лагерь – к материалистам. Оно надежнее... Давай лучше пивка повторим, пока мы еще на свободе... Хе-хе!

В последнюю встречу Орлан сказал Луню то, о чем сам не раз размышлял:

– Если библейские заповеди изложить на современном юридическом языке, они обросли бы таким множеством оговорок, толкований, исключений, комментариев, что составили бы целый том. А нашему брату, нелегалу, вообще дано особое право нарушать все Христовы заповеди: убий ради пользы Великого дела, укради секреты врага, прелюбодействуй и пожелай для пользы Великого дела жену своего ближнего, если она поможет принести эту пользу. И, конечно же, никогда не подставляй ударившему тебя вторую щеку! Сам бей! И лучше всего – первым. Можно и из-за угла.

Лунь нахмурил брови:

– Выходит, мы и есть антихристы. Все делаем против Христа. Ведь он в своем Завете не сделал никаких оговорок насчет пользы Великого дела...

– Он не сделал. Сделал их Великий Вождь, который сказал: все, что идет во благо мировой революции, – нравственно.

Это разговор надолго засел в памяти Луня. Он вспоминал его всякий раз, когда приходилось переступать черту, которая отделила его от мира порядочных людей, скопом отнесенных Орланом к обывателям, бюргерам, мещанам... Они – мирские, а мы – избранные... Мы – разведчики. Да еще военные.

* * *

В Кёнигсберге Лунь работал вот уже третий год. У него было неплохое для нелегала прикрытие – хозяин антикварного магазинчика. Магазин находился в Обертайхе – на Верхних прудах – в тихом зеленом районе, рядом с Ботаническим садом. От центра города всего семь трамвайных остановок, да и северная окраина недалече. Старинный двухэтажный особнячок с антикварно-букинистической лавкой на первом этаже и жильем в антресолях Луню подарил родной Разведупр, который после прихода Гитлера к власти денег на нелегальную агентуру не жалел. Дом перекупили за полцены у хозяина-еврея – тот вовремя успел уехать в Швецию. Особнячок был хорош всем: и встроенным в цокольный этаж гаражом, рядом же два просторных чулана – один для продовольствия, другой для склада книг и антиквариата. На втором этаже – две спальни, кухня и ванная. На мансарде – кабинет с книжными шкафами и гостевая комнатка. Отсюда, из гостевой комнаты, можно было удобно выходить на крышу – прямо на трап, ведущий на мостик, перекинутый для трубочиста между двумя трубами: своей и на крыше соседа. Так что в случае экстренного и незаметного покидания дома можно было в считанные минуты оказаться на соседской крыше, а оттуда спуститься по пожарной лестнице в его сад. Лунь сразу же обследовал этот маршрут и пришел к выводу, что он вполне безопасен. Правда, если бы незваные гости стояли бы и в его собственном дворе, тогда бы незаметно сбежать не удалось. Второй потайной выход был из книжного чулана. Его фрамуга открывалась в бетонированный приямок, и позволяла пролезать в проход между торцом дома и каменной стеной палисадника. Лунь испытал и этот крысиный лаз.

Если нагрянет гестапо, хозяин дома знал что делать. Главное, чтобы они не взяли особняк в плотное кольцо. Тогда конец. Но если приедут в расчете застать владельца врасплох, то есть будут ломиться только через парадное, тогда шансы ускользнуть из дома есть. Лунь определял их как фюнфциг-фюнфциг – пятьдесят на пятьдесят. Это был хороший процент.

Об этих тайных выходах Лунь, конечно же, рассказал и своей служебной жене Кларе. Клара (она же Сабина, в миру же – Клара Теодоровна Ленц, радистка-шифровальщица) была дочерью коммуниста из немцев Азербайджана и питерской латышки, работавшей в Смольном. В свои 35 она сохраняла хорошую спортивную фигуру, но была не очень красива: маленькие, близко посаженные серые глаза, широкий рот.

Луню стоило больших усилий над собой, чтобы выполнять свои супружеские обязанности. Благо Клара не была наделена горячим темпераментом, хотя ее детство и прошло под знойным солнцем Баку.

Вдвоем с шефом они разработали подробнейшую легенду прикрытия.

Итак, он Уго Шведер, родился в немецкой колонии под Царицыным, в Сарепте, в 1898 году. Мать – полька, отец – немец. Именно этим материнским влиянием объясняется его славянский выговор. В 1916-м, окончив ускоренные курсы прапорщиков, командовал взводом под Сморгонью, «русским Верденом». Солдаты говорили: «Кто под Сморгонью не воевал, тот войны не знал». Он войну знал...

В 1917 году в сентябре получил чин подпоручика и роту под начало... Ранен, госпиталь. Революция. Мобилизован в Красную Армию. Бежал из нее в Польшу... Там торговал военным

антиквариатом, но из-за малого спроса, а также великопольского национализма вынужден был переехать в Вену...

И все-то в этой легенде было почти правдой, кроме того, что никаких немцев и поляков в его роду не было. Мать, Ольга Карповна Егорова, купеческая дочь, получила в Петербурге хорошее образование и преподавала в царицынской женской гимназии немецкий язык. Отец, Иван Митрофанович Северьянов, был капитаном волжского парохода «Илья Муромец» и погиб еще до революции... Неправдой было и то, что из Красной Армии ни в какую Польшу он не бежал, а был направлен в московскую разведшколу... А уж потом была Польша...

Долгим и кружным путем добирался Лунь до своего главного «рабочего места» – второй, по сути дела, столицы Третьего рейха – Кёнигсберга. Надо было сделать так, чтобы он попал туда через третью страну. Первой была Польша как начальный этап глубокой легализации. В Польшу он приехал через Литву с хорошо сделанным паспортом Речи Посполитой на имя Уго Шведера и всевозможными лицензиями коммерсанта. Обосновался, как было рекомендовано, в бывшем Брест-Литовске, а тогда в Бресте-над-Бугом снял три комнаты на первом этаже на улице Мицкевича. В одной открыл антикварную лавку, в двух других устроил кабинет и спальню. Неплохо для 38-летнего холостяка. Однако торговые дела особо не задались, что и не удивительно. Владелец лавки наполнил ее полки первой попавшейся рухлядью, картинами сельских художников, посудой прошлого века, кайзеровскими касками и российскими монетами. Больше всего его волновали дела сердечные. Так, очень скоро у него завязался роман с домашней учительницей из семьи главного землемера Полесского воеводства и главы небольшого немецкого землячества – барона фон Рааб-Тиллена. Тридцатилетняя дева Клара Ройтман, наставница двух баронских недорослей, похоже, без ума влюбилась в антиквара Шведера. Эту парочку часто видели и в старинном парке 3 мая, и в трактире «У озера», в кавярнях на проспекте Маршала Пилсудского, и в городском театре. Как и не трудно предположить, этот скоротечный роман закончился свадьбой, в которой самое деятельное участие приняли все дамы семейства Рааб-Тиллен. На торжество были приглашены едва ли не все члены немецкой общины. Невеста в белом атласном шелке и ажурной шляпке очаровала всех гостей. Если бы им сказали, что милая дама – выпускница спецшколы советского Разведупра, радистка, ворошиловский стрелок, разведчица-нелегалка, все приняли бы это сообщение за веселую шутку. Для всех она была замечательной домашней учительницей, которая успешно преподавала подрастающим братьям физику, математику и английский язык. Так или иначе, но фрейляйн Клара, а теперь фрау Клара, переехала с респектабельной улицы Пулавского на улицу Мицкевича и поселилась в доме своего мужа и своего коллеги, напарника по опасному ремеслу разведчика. Из-за расходов на свадьбу, а может, и по другим причинам, дела владельца антикварной лавки пришли в полный упадок. Надо было искать новый город, более крупный, чем Брест-над-Бугом. Возможно, Варшаву... Но друзья Рааб-Тиллена предложили Вену, где у них были свои друзья и связи. Предложение было с восторгом принято, и вскоре молодая чета отправилась в Вену на поиски коммерческой удачи и счастья в целом. В портфеле из настоящей крокодиловой кожи, с которым господин Шведер не расставался ни на минуту, лежали рекомендательные письма влиятельным в венских торговых кругах людям. Так, для Луны с Кларой начался второй этап легализации – в Австрии.

В Вене дела пошли еще хуже, чем это было в Польше. Антикварный магазинчик Шведера едва сводил концы с концами. Именно по этой причине супруги не могли нанять себе ни кухарки, ни продавца. Шведеры все делали сами, как самые настоящие экономные бюргеры: Клара вела домашнее хозяйство, готовила – не очень вкусно и разнообразно, но зато какая экономия на кухарке (да и лишние уши-глаза в доме совсем не к чему).

В поисках лучшей жизни Шведеры перебрались в Кёнигсберг – туда, куда и планировало забросить их московское начальство. Здесь торговые дела пошли несколько успешнее. Они обзавелись собственным авто – весьма подержанным «рено». Супруги по очереди сидели за

прилавком магазинчика. Но все же господина Шведера видели в лавке чаще, нежели его жену. Правда, и ему довольно часто приходилось отлучаться, чтобы посмотреть-прикупить товар в маленьких прусских городках вроде Фридлянда, Тильзита или Пиллау. Поискам антикварного товара он посвящал большую часть своего времени. Но от этого доходность магазинчика вовсе не страдала. Ведь главный источник финансов находился в Москве.

Профессия коммерсанта-антиквара – одно из лучших прикрытий для разведчика-нелегала и для тех, порой немалых, сумм, которые нужны для его работы. Не вызывая ни у кого особых подозрений, Лунь в этом качестве мог в любой момент покинуть свой магазин и двигаться в любом нужном ему направлении – даже выезжать за границу, встречаться с любыми людьми, ибо каждый из них мог бы быть коллекционером, любителем старины или комитентом, лицом, отдающим в торг свои семейные ли, благоприобретенные ли раритеты. Лунь и сам был по складу души коллекционером, ценителем немецко-швейцарских художников-символистов конца прошлого да и нынешнего века: Арнольда Бёклина, Фреда Келлера, Германа Рюдисюли... С последним – живым классиком германского символизма – Лунь был знаком лично и дважды приезжал к нему в Мюнхен, чтобы прикупить у него этюды и кое-что из не самых дорогих полотен. Помимо коммерческих и разведывательных интересов у Луня был и свой личный резон. Он давно уже собирал материал для искусствоведческой работы «Мир Арнольда Бёклина» – о влиянии немецких художников-символистов на их российских коллег-«мирискусников», и в частности на Чюрлениса, Бакста, Сомова... Он даже собирался в отдаленном будущем, когда распрощается со своей службой, защитить диссертацию в ленинградской Академии живописи. Разведка разведкой, но *ars longa, vita brevis*...

Однажды в антикварную лавку Луня зашел некий кенигсбергский коллекционер и попросил найти эксперта для подтверждения подлинности рукописи «Рубоко Шо». Это были эротические танку, написанные неким загадочным японским вельможей в раннем Средневековье. Они оказались очень удобными для тренировки памяти, и Лунь выучивал каждый день по одному трехстишию.

Отбросив кимоно, уселась ты в ладью,
От берега шестом я оттолкнулся,
Уплыл к далеким островам Пяти Озер.

Господин Шведер не раз наведывался в университет, но, к сожалению, подобного эксперта найти не удалось...

Даже самая бдительная «наружка» не смогла бы найти в образе жизни супругов Шведер что-либо подозрительное.

Каждое утро глава семьи уходил в Ботанический сад делать пробежки, а заодно подкармливать белок и птиц. Потом возвращался в лавку, завтракал, а кофе пил в подвальной подсобке, бывшем книжном чулане, где у него стоял рабочий стол. Именно за ним он и писал свои донесения. Именно там принимал своих постоянных клиентов-«покупателей», в число которых входили только самые доверенные лица, поставщики информации о военных объектах Кёнигсберга и жизни вермахта.

Нижний кабинет господина антиквара – так называл Лунь книжный чулан, (наверху был еще один) – украшала большая копия картины Арнольда Бёклина «Остров мертвых». Она висела у него прямо перед глазами и он, строя планы, созерцал этот красивый, несмотря на мрачный сюжет, горный островок, где среди кипарисов белели саркофаги и гробницы. Харон перевозил через Стикс лодку с новопреставленным грешником, закутанным в белый саван. Но в целом картина оставляла отрадное чувство: не так страшен тот свет, как его малюют. Лунь был бы рад, если бы его душа или бранные останки попали на такой красивый прокаленный средиземноморским солнцем остров... Пусть это не рай, но ведь и не чистилище!

Именно эта мысль и пришла ему сейчас в голову. Он хотел ее развить, продолжить, но тут засвистел амбюшур переговорной трубы – трубу эту проложил между торговым залом и подвальчиком прежний хозяин дома – он был любителем морской старины и принес эту трубу с какого-то старого немецкого крейсера. Лунь сдвинул защелку на амбюшуре и услышал голос Клары:

– Уго! Завтрак готов!

– Да-да! Поднимаюсь.

Он задвинул защелку и выгнал из подсобки бабочку, дуриком залетевшую в подвал. У бабочки был красивый тигровый раскрас крыльев, и ему не хотелось, чтобы она погибла в этой тюремной для нее камере. Бабочка села вдруг на «Остров мертвых» – и «Остров» ожил.

«Хорошая примета!» – решил Лунь, выпустил на свободу свою пленницу и поднялся наверх в превосходном настроении.

На завтрак были кабачковые оладьи со сметаной, присыпанной корицей и кофе с финиками.

– Когда ты наведешь порядок в своем нижнем кабинете? – сварливо допытывалась Клара. – У тебя там скоро мыши заведутся.

– Завтра! – оптимистично пообещал Лунь. Убираться в своем кабинете он не позволял даже Кларе.

Одна из массивных тумб письменного стола стояла на крышке небольшого погребка-тайника. В тайнике хранился ящик старого кенигсбергского вина «Блютгерихт» («Кровавый суд»). Под ящиком стоял патефон, а в его корпус был встроен 30-ваттный передатчик немецкого производства. Его добыли во время войны в Испании и обучили Клару работе на нем. Возможно, это была своего рода радиомаскировка – в немецком эфире звучали сигналы немецкого передатчика. Передатчик извлекался крайне редко – на особые случаи, когда по каким-либо причинам прерывалась связь с резидентом. Для выхода в эфир они уезжали с Кларой на пленер – в окрестности того или иного прусского городка, ни разу не повторяясь. Накрывали на поляне скатерть-самобранку и заводили «патефон». Но подобные выезды случались редко – связь через «тайники» (один в Ботаническом саду, другой на старом военном кладбище) действовала пока что весьма успешно.

Впрочем, если бы наружное наблюдение за Лунем и в самом деле велось, оно бы установило, что почтенный бюргер вел двойную жизнь, примерно такую же, как и некоторые его кенигсбергские сограждане: в тайне от жены он снимал квартирку на Литовском валу, где принимал визиты одной дамы. И даже не одной, а по очереди – двух. Но такой любовный темперамент господина Шведера, надо было полагать, не наносил никакого ущерба могуществу фатерланда. И тем не менее наносил! Раз в неделю сюда навещались Грета Майер (она же «мадам Бовари»), работавшая кладовщицей в Кёнигсбергском порту, и Рита Ланге (она же «Марки-тантка»), официантка из офицерского казино. Грета, дочь коммуниста, угодившего в лагерь после прихода Гитлера к власти, согласилась сотрудничать с советской разведкой ради пролетарской солидарности и в отместку за отца. Она приносила важные сведения о всех известных ей военных грузах, которые прибывали в порт или уходили из него. У Риты Ланге были другие – отнюдь не идейные – причины поставлять Луню информацию. Ей нужны были деньги, чтобы поддерживать семью из трех человек: больной матери и трехлетних двойняшек – мальчика и девочки. Она не видела ничего криминального в том, что пересказывала своему доброму знакомому разговоры офицеров, посещавших казино. С таким же успехом она могла пересказывать их и своим подругам-сплетницам, но Лунь исправно платил ей по пятьдесят марок за каждый визит. И Рита, даже не подозревала, сколько ценного выуживал ее покровитель из ее «сплетен». Именно от Риты он узнал о строительстве аэродрома под Растенбургом. Много лет спустя стало известно, что этот аэродром обслуживал полевую ставку Гитлера «Вольфшанце». Из веселых разговоров подвыпивших офицеров можно было понять, какой полк и куда переме-

щается в ближайшее время, фамилии вновь назначенных командиров, особенности их характеров и многое другое.

Но самым важным источником военной информации был капитан Герхард фон Опитц (он же «Турман»). Опитц служил в батальоне связи, который обслуживал аэродром в Рас-тенбурге. На это летное поле садились самолеты с крупными нацистскими бонзами, и Герхард сообщал иногда весьма ценные сведения. Часть его батальона находилась в Кёнигсберге, поэтому Опитцу приходилось мотаться по разным аэродромам, налаживая радиоаппаратуру, и он всегда был в курсе жизни кенигсбергского гарнизона. Встречались они с ним в фотографическом клубе на Кантштрассе, в самом центре города, что на островке Кнайпхоф. Герхард был заядлым и небесталанным фотолюбителем, часто устраивал фотовыставки. Его любимыми жанрами были приморские пейзажи и обнаженные красотики, которые позировали на фоне «танцующего леса» в извивах сосновых стволов либо на фоне дюн. Его работа «Собирательница янтаря» получила золотую медаль на выставке в Берлине. Однако в портфеле Луня оседали совсем другие фотографии, которые потом приводили в восторг Орлана.

Работал капитан фон Опитц не за деньги, а за идею: он ненавидел баварского ефрейтора и от всей души желал ему грохнутья со своим самолетом-салоном на одном из подведомственных ему аэродромов.

С Опитцем Лунь встречался намного реже, чем со своими дамами. Он высоко ценил его и всячески оберегал от засветки.

А в остальном Лунь вел праведный образ жизни заурядного кенигсбергского бюргера. Совершал по утрам моционы в Ботаническом саду, исправно посещал кирху, был активистом гильдии антикваров и завсегдатаем городского фотографического клуба. По субботам он водил Клару в кинотеатр «Альгамбра», а потом в их любимое кафе «Багдад», где они пили настоящий кофе с финиками и марципанами или какао со все теми же неизменными марципанами. Кёнигсберг гордился тем, что первые марципаны были изготовлены в его кондитерских. На ярмарке октоберфеста кондитеры выставляли большой бюст главы Восточной Пруссии Германа Геринга, сделанный из марципана. «Хотел бы я, – опасно пошучивал Лунь, – откусить ему нос». Клара пугалась и оглядывалась по сторонам.

– Оставь свои дурацкие шуточки! Они не доведут тебя до добра!

Лунь не отказывал себе в еде и даже слыл гурманом, говоря себе всякий раз: «Кто знает, придется ли еще раз попробовать подобный деликатес? Тюремной баланды еще нахлебаюсь...»

Иногда Луню казалось, что он и в самом деле добропорядочный антиквар, и эта спокойная, налаженная жизнь – никакая не легенда, не прикрытие, а некая его иная жизнь, как бы параллельная той, которая осталась там, в Москве, и которая продолжается там, в столице, сама по себе, без него... Это чувство раздвоенности приходило к нему изредка, а именно тогда, когда он, уютно устроившись в кресле с очередным букинистическим раритетом, наблюдал, как быстро и сноровисто вяжет Клархен, (вяжет, чтобы тренировать пальцы радистки). В такие минуты семейной идиллии ему хотелось забыть об Орлане и его поручениях, о тайниках и конспиративной квартирке на Литовском валу, хотелось завести для полного уюта милого доброго пса или шаловливого кота. Но Орлан не давал забыть о себе. Вот и сейчас, 1 августа 1939 года, он озадачил Луня пренеприятным делом: надо было раздобыть образец нового противогАЗа, принятого на вооружение вермахта в 1938 году. ПротивогАЗ – не пулемет и не бог весть какой секретности техника, но на рынке его не купишь и на свалке не найдешь, и у солдата не выпросишь...

Германия активно готовилась к химической войне, и именно по средствам защиты можно было судить, насколько готовы были правители Третьего рейха повторить страшные газовые атаки времен 1916 года. По меньшей мере, так представлялось в Москве. Лунь, разумеется, не обсуждал приказания, но отдавал себе отчет, как не просто будет выполнить это не бог

весть какое сложное задание. Вся надежда была на Турмана, но тот отбыл в долгосрочную командировку, и неизвестно было, когда он вернется. А резидент торопил...

Лунь призадумался. Пускаться самому в поиски новейшего образца было несподручно и опасно: зачем антиквару противогаз? Этот вопрос возник бы у каждого, к кому бы стал обращаться господин Швальбе. Поэтому он и не торопился выполнять это задание.

Однажды в студии у одной кенигсбергской художницы он увидел плакат, нарисованной ею по заданию военного ведомства для подготовки населения к химической войне. На плакате были изображены рабочий, крестьянка и солдат в противогазах. Лунь сказал ей, что противогазы изображены неточно.

– Такие вещи надо писать детально.

– Но мне позировал один солдат, – сказала художница.

– Найдите мне этого солдата, и я помогу вам сделать этот плакат безупречным.

– Это сын моей подруги. Я позвоню ей.

Но подруга уехала в Берлин. И дело опять затянулось. Лунь извелся в раздумьях – где и как добыть этот проклятый противогаз? Он поручил «мадам Бовари» узнать, есть ли у портовой охраны противогазы. Есть! Лунь обещал заплатить за него круглую сумму, и отважная женщина сумела раздобыть заветный цилиндрический футляр, в котором хранился противогаз. Увы, и маска, и коробка оказались старого образца... К счастью, вернулся из командировки Турман. И он обещал обменять свой новый противогаз на тот, устаревший, который был у Луни. Но тут пришел сигнал отбоя – противогаз не искать. Лунь так никогда и не узнал, почему отменили этот приказ.

Однако история обретения Разведупром РККА немецкого противогаза образца 1938 года, право, стоит того, чтобы ее рассказать.

В сентябре 1939 года советские войска, согласно Договору Молотова – Риббентропа, вошли на территорию Восточной Польши. В некоторых местах немцы вклинились в районы, которые отходили по Договору к СССР. Начались согласования на местах демаркационной линии. На одну из таких встреч выехала группа советских командиров во главе с полковником Федотовым. Его сопровождал начальник штаба стрелкового полка майор Акимов и начальник полковой разведки старший лейтенант Василий Маргелов – молодой, но весьма отважный и дерзкий боец. Помимо ведения переговоров, группе была поставлена задача – добыть образец новейшего противогаза. Встреча была назначена на немецкой стороне в местечке Конины.

После работы с картами – уточнения на картах линии границы – немцы пригласили своих советских коллег на товарищеский обед, который, конечно же, не обошелся без шнапса и польского самогона. Пили под вполне дружеские и дипломатичные тосты. Пили и сравнивали, чей напиток крепче и лучше. Маргелов сделал вид, что весьма захмелел и ему нужно выйти в сортир. Под насмешливые улыбки сотрапезников он выбрался во двор школы, где проходили переговоры. Внимательно осмотревшись, он заметил двух солдат с противогазами на боку, которые направлялись к дощатой уборной. Маргелов тут же последовал за ними. Один из немцев вошел в будку, другой – в загородке, побеленной известью – ждал, когда сортир освободится. Старший лейтенант, нетрезво пошатываясь, резко качнулся в сторону поджидавшего солдата. Тот хотел поддержать «выпивоху» и наткнулся на остро отточенный нож разведчика. Даже не пикнув, опустился на землю. Та же участь постигла и того, кто вышел из будки. Маргелов мгновенно срезал футляры с противогазами, а тела убитых сбросил в выгребную яму. Отнес оба металлических цилиндра, в которых хранились маски и фильтрационные коробки, в машину – благо «эмка» стояла тут же, во дворе. Все так же пьяно улыбаясь, он вернулся за стол. Выпил еще одну рюмку за «великую советско-германскую дружбу» и дал понять своим товарищам, что дело сделано и пора возвращаться. Выпили на посошок и распрощались. Немцы с любопытством смотрели, как подвыпивший русский офицер садится за руль, но машина, на удивление, довольно быстро вырулила со двора на шоссе. В трех километрах от местечка

«эмка» въехала на деревянный мостик через речушку. И тут под ее колесами гроыхнул взрыв. Машину разломило пополам. Полковник Федотов и майор Акимов погибли сразу. Оглушенного, с разбитым в кровь лицом водителя выбросило под откос. Придя в себя, Маргелов увидел, что к изувеченной машине скачут польские кавалеристы. Это они заминировали мостик. Он хладнокровно пристегнул маузер к деревянному футляру-прикладу и открыл прицельный огонь. Срезал одного, другого, сбил фуражку с третьего... Всадники повернули обратно.

На взрыв и выстрелы примчались немецкие мотоциклисты и отогнали нападавших. Вот тут Маргелов и позволил себе потерять сознание. Очнулся он в немецком госпитале. Его перевязали, сделали противостолбнячные уколы и отвезли на советскую сторону. Надо ли говорить, что Маргелов первым делом попал не к врачам, а к следователям НКВД. Его засыпали вопросами:

– Как так получилось, что в живых остались не старшие командиры, а только вы? Как вы оказались в немецком госпитале? С какой целью они вернули вас в расположение советских частей?

Маргелов в подробностях рассказал все, как было. Ему не поверили. Подтвердить его рассказ было некому. Поскольку немцы уже оставили Конины, особисты вытащили из сортира оба трупа. Противогазные ремни были обрезаны. Еще раз осмотрели место происшествие – злополучный мостик. Тела погибших командиров уже были захоронены. В багажнике «эмки» нашли оба футляра с противогазами новейшего образца!

– Считаю, что тебе повезло, старшой! – сказал ему на прощание следователь. – Бывай, пока...

Спустя десятки лет старший лейтенант Василий Маргелов стал тем самым легендарным «солдатским генералом», который возглавил Воздушно-десантные войска СССР. Но это уже другая история...

А Орлан не унимался: едва успел отменить добычу противогаза, как сразу же дал новое задание: съездить в воссоединенный с рейхом Мемель и сфотографировать только что построенную рядом с портом береговую батарею. Больше всего на свете Лунь не любил заданий, связанных с фотографированием. На них легче всего было засыпаться. Любой человек, нацеливший фотокамеру на военный объект, более чем подозрителен. Его тут же заметят, о нем немедленно донесут. И не только в Германии. Разумеется, Лунь никогда не фотографировал в открытую. Для этого им было придумано множество уловок. Чаще всего он снимал из машины, для чего приспособил боковое зеркальце панорамного вида. Но не всегда можно было подъехать к объекту на машине. Тогда съемка велась через отверстие в кожаном футляре, сделанное против объектива. Камера висела на шее, спусковой тросик уходил в карман плаща или пиджака. Человек, держащий руки в карманах, а зачехленную камеру на груди, меньше всего походил на снимающего фотографа. И тем не менее каждая такая вылазка была чрезвычайно рискованной.

Лунь достал дорожную карту. Карта была прошлогодней, и Мемель на ней был обозначен как Клайпеда.

22 марта нынешнего – 1939 года – Германия предъявила Литве ультиматум с требованием вернуть Клайпедский край, который отошел к Литве по Версальскому договору. Германия активно восстанавливалась в своих былых, довоенных, границах. А уже через два дня в Клайпеду, который снова стал Мемелем, прибыл Адольф Гитлер. Он пришел морем – на крейсере «Дойчланд» в сопровождении целой эскадры военных кораблей в сорок вымпелов. С балкона городского театра фюрер под одобрительный рев толпы произнес зажигательную речь о единении всех немцев, где бы они ни жили.

– Мемель пятьсот лет был германским городом, и только двадцать лет – литовским. Никто не посмеет обвинить нас в том, что мы захватываем чужие города! Мы возвращаем фатерланду свои города и земли!

Фюрер принял военный парад, приветствуя его рукой, воздетой, как поднятый шлагбаум. С этого дня под Мемелем началось строительство аэродрома, подземных хранилищ топлива и береговой батареи.

Понятно, что Москва не могла оставить без внимания новую базу кригсмарине на Балтике...

Глава вторая

Мемельская чайка, или Турист из Кёнигсберга

В Мемель Лунь прикатил в своем скромном «рено». Он никогда еще не был в этом городе и потому решил сначала осмотреть центральную часть. Особого впечатления она на него не произвела – обыкновенный ганзейский городок, выстроенный по всем средневековым немецким стандартам: ратуша, площадь, кирха, рынок... Интересна была портовая часть с каналом, причалами, старинными пакгаузами. Но туда без пропуска не пускали: там хозяйничали военные.

Пошел дождь. Лунь укрылся в маленьком гаштете и заказал литовские цеппелины – продолговатые картофельные зразы, начиненные рубленным мясом. Но цеппелинов не оказалось. Вместо них ему принесли котлету по-гамбургски. Он запивал ее темным пивом местного разлива. Дождь скоро кончился, и турист из Кёнигсберга решил поснимать для себя местные виды.

Все было как всегда... Он привычно наметил хороший кадр: мокрая брусчатка средневековой площади ослепительно блестела. На таком фоне любая человеческая фигура давала бы длинную красивую тень. И он решил дожидаться, когда в кадр кто-нибудь войдет. В кадр, как по заказу, вошла стройная женщина в шляпке-таблетке, в руке она несла длинный сложенный зонтик. Она наискосок пересекала площадь и ее фигура великолепно оживляла кадр. Лунь нажал на спуск. Есть! Снято!

Элегантная незнакомка удалялась в сторону набережной. Шаг ее был упругим, неторопливым. Каблучки громко цокали по каменным торцам. Он невольно залюбовался ее грациозной походкой. И вдруг женщина резко остановилась и слегка отпрянула от пролетевшей прямо перед ней чайкой. Чайка выпустила из своих лапок черный комоч, который упал к ее ногам. Женщина ойкнула и отскочила. Лунь в мгновение ока очутился рядом.

– Что случилось?

– Мышь! Я думала это мышь!

– Бойтесь мышей?

– Ни капельки! Просто очень неожиданно... Шмяк и прямо под ноги!

Лунь разглядел предмет – это был замшевый мешочек, в котором обычно носят ключи. Именно ключи в нем и оказались, когда он развязал чехольчик.

– Поздравляю вас! – торжественно произнес Лунь.

– С чем? – удивилась блондинка. Она говорила по-немецки с сильным литовским акцентом.

– Вам повезло! Вам сбросила этот мешочек белая птица. Чайка!

– И что это значит? Святой Петр прислал мне уже свои ключи? Приглашение в рай?

– Нет, нет! Вам дан знак, что вы стоите на пороге великой тайны и она вот-вот откроется вам, распахнет перед вами свои двери... Точнее, вы отомкнете их сами этими или иными ключами... Вот смотрите, вот этот тонкий маленький ключик наверняка от чьего-то сердца, которое вам удастся открыть.

– Это ключик от почтового ящика, а не от сердца.

– Пусть будет так, но разве сердца не открываются с помощью писем, любовных посланий, которые вы достаете из почтового ящика?

– Я давно уже не получаю никаких любовных посланий...

– Значит, скоро получите! – витийствовал Лунь. Дама ему очень понравилась.

– А вот этот массивный латунный ключ наверняка от гаража, где стоит «мерседес-бенц»...

– Всегда знала, что можно гадать по кофейной гуще, но чтобы гадать по ключам! С таким сталкиваюсь впервые. Может быть, вы и на кофейной гуще гадаете?

– Конечно, гадаю! Предлагаю зайти вот в это кафе и заказать по чашечке крепкого с гущей кофе!

– Ну что ж, проверим ваши способности.

Они вошли в полутемный зал небольшого кафе. Выбрали столик у камина. Лунь помог своей спутнице снять плащ, и она оказалась в новомодном синем жакете с затянутой талией и широкими плечами. Короткая до колен юбка не скрывала красивых ног.

Кельнерша тут же принесла им кофейник и две чашечки. Лунь попросил еще рюмочку коньяка. Он предложил коньяк и своей даме, но та отказалась.

– Жаль, – вздохнул Лунь. – С коньяком гадание получается точнее... Так что же делать с этими ключами счастья?

– Может быть, дать объявление в газету? – предложила женщина.

– Интересное будет объявление, – усмехнулся Лунь. – «Просим отозваться господина, чьи ключи унесла чайка».

– А почему вы решили, что ключи принадлежали господину, а не госпоже?

– Во-первых, вот этот ключ явно от автомашины.

– Женщины тоже могут водить авто!

– А во-вторых, чехольчик от женских ключей был бы намного ярче, веселее – красного или желтого цвета, и источал бы запах духов. А этот – Лунь понюхал мешочек – явно отдает табаком и бензином.

– Вы, случайно, не доктор Ватсон?

– А что, на Шерлока Холмса не тяну?

– Пожалуй, что нет... В конце концов, можно дать простое объявление: «Найдены три ключа в черном кожаном мешочке».

– Не надо называть количество ключей. Пусть тот, кто придет за ними, скажет сам, сколько их.

Лунь вертел в пальцах ключи:

– Ну, вот этот – скорее всего от винного погреба, где хранятся драгоценные вина.

– Нет, от сундука с драгоценностями.

– Вы любите драгоценности?

– А вы любите вино?

– Пожалуй, мы оба не угадали.

– Но я-то люблю драгоценности.

– Тогда я люблю драгоценные вина. Кто же их не любит? Кстати, не хотели бы вы попробовать какого-нибудь редкостного вина?

– Боюсь, что в Мемеле таких нет.

– Вы не правы. Я знаю тут один подвальчик...

– Давайте просто подышим свежим воздухом.

– Охотно! А где самый свежий воздух в Мемеле?

– Конечно же, у моря. Идемте на шtrand. Только нам придется взять извозчика, это не так близко.

– Позвольте мне быть вашим извозчиком! Я на машине.

– О, как мило – рояль в кустах! Авто на обочине!

– «Рено», фройляйн, всего-навсего старый, но очень верный «рено»... И почти в кустах!

Вон там – рядом со сквериком.

– Не очень патриотично немцу ездить на французской машине.

– Ну, уж какая есть, не обессудьте.

Лунь галантно распахнул дверцу и помог даме переместиться в тесный салон.

– Может быть, мы наконец познакомимся? – усмехнулась пассажирка. – Должна же я знать имя своего водителя?

– Простите, забыл представиться! Вашего водителя зовут – барон Уго фон Шведер. Можно просто – Уго.

– Ну, а я – фройляйн Сольвейг. Можно просто – Соли.

– Мне больше нравится – Вейга.

– Пусть будет по-вашему...

Ему все больше и больше нравилась эта экспансивная и в меру авантюрная женщина. Чем-то она походила на Татьяну. И разве не так вот брели они с Татьяной по Петродворцовому берегу, где шорохи осенних листьев под ногами смешивались с шуршанием легких волн, а они шли просто так, куда глаза глядят... Но на этот раз глаза Луны глядели в сторону береговой батареи, к которой они вот-вот должны подойти. Вейга рассказывала о здешнем пляже, как замечательно можно было загорать здесь и вообще проводить время, пока немцы не перегородили его и не стали там что-то строить. Это «что-то» приближалось с каждым шагом. Рогатки с колючей проволокой шли с вершин дюн почти до самой прибойной линии. За ними громоздились бетонные бункеры зенитной береговой батареи, прикрытые с воздуха маскировочными сетями. Под безмятежную воркотню Вейги Лунь насчитал три оружейные площадки с казематами для укрытия артиллеристов. На них стояли устремленные в небо зенитки. Калибр он определил навскидку – 88 мм. Но это еще надо было уточнить. Оставалось сделать снимок, однако вдоль колючей проволоки быстрым шагом спускался с дюны часовой. Все трое сошлись у самой ближней к морю рогатки.

Из-под куцега козырька темно-синей морской каски на них смотрели любопытные голубые глаза. Парень был явно рад, скрасить скучную вахту парой фраз с красивой женщиной. Вейга спросила его, можно ли обойти запретную зону по краешку моря.

– Мы идем на мол, и так не хочется обходить стороной.

– Но вам все-таки это придется сделать, фройляйн, – сочувственно пояснил часовой. – Здесь нельзя ходить. Разве вы не видели щит?

– Совершенно не заметила никаких щитов!

– Да вон же он стоит!

– Извините. Мы не заметили. Все время смотрели на море. А можно мы быстро-быстро перебежим и тут же уйдем на мол?

– К сожалению, это невозможно, милая фройляйн!

Пока Вейга торговалась, Лунь присел, чтобы завязать шнурок на ботинке. Фотоаппарат, висевший на ремешке, сам собой уткнулся в руки. Оставалось только нажать на спуск. И Лунь успел это сделать дважды, пока любезный часовой показывал Вейге путь обхода запретной зоны.

Лунь снимал не целясь, делая вид, что придерживает болтающийся аппарат, который мешает ему завязывать ботинок.

Ура! Еще один снимок – с великолепной низкой позиции.

– Что здесь происходит! – раздался резкий голос за спиной. Лунь обернулся, и душа ушла в пятки. Два офицера с горжетами полевой жандармерии выросли, как из-под земли. Конечно, они вышли из кустов, куда обходила обходная тропа в виде деревянных мостков, но Луню показалось в эту секунду, что эти двое выследили все его ухищрения с фотоаппаратом. Это провал! Ветерок с моря, прошедший по взмокнувшей спине, показался ледяным дыханием смерти. «Кеттенхунде» – цепные псы – пощады не знали. Не зря они носили свои металлические горжеты на шейных цепочках. Все как в дурном сне...

Лунь нащупал в кармане плаща пистолет. В кого стрелять первым? Или пока подождать? Сейчас они потребуют фотоаппарат. Но старший наряда этого не сделал. Он резко спросил Луны:

– Что вы хотите от часового? Ему категорически запрещено разговаривать с посторонними, тем более гражданскими лицами!

Последняя фраза была адресована парню в каске. Тот виновато сжимал карабин, не поднимая голубых глаз.

– Вызови разводящего! – кивнул ему гауптман, недобро блеснув золотыми зубами. – Я снимаю тебя с поста!

Он повернулся к беспечной парочке:

– А вы, господа, не имеете права находиться вблизи заграждения. Тем более что щиты с предупреждением поставлены по всему периметру зоны!

– Это я во всем виновата! – прижала кулачки к груди Вейга. – Простите нас, господин офицер!

И она одарила строгого гауптмана таким взглядом, что тот сразу сбавил тон:

– Ладно, предъявите свои документы.

Лунь первым достал свое водительское удостоверение. Ему еще не верилось, что все обойдется лишь нотацией. Похоже, «кеттенхунде» не успели заметить его манипуляций с «лейкой» – иначе разговор был бы совсем другим.

– О, так вы не здешний? – вперил в него острые серенькие глазки жандарм.

– Да, я приехал из Кёнигсберга по делам.

Вейга поспешно протянула свой паспорт, чем перебила дальнейшие расспросы. Паспортные данные красивой фройляйн заинтересовали жандарма больше, чем водительские права Луня.

Он долго вглядывался в ее фотографию, потом вернул документ:

– В жизни вы намного интереснее, фройляйн!

– Благодарю вас, господин офицер! – скромно потупилась Вейга.

– Куда вы направляетесь?

– Я хотела показать гостю наш мол. С него открывается прекрасный вид на море.

– Тогда пройдите по этой тропе, и через сто метров будет поворот налево. Там обходная дорожка.

– Вы очень любезны, господин офицер!

– И пожалуйста, больше не нарушайте наших правил!

– Слушаюсь, господин офицер! – кокетливо приложила два пальца к полям шляпки Вейга и послала ему очаровательную улыбку.

– Черт бы тебя побрал! – добавила она вполголоса так, чтобы услышал ее только спутник. – Никогда еще не получала комплиментов от жандармов!

Она мастерски вывела Луня из критической ситуации, и он смотрел на нее, как на спасительницу. «Умница! Вот бы такую вместо Клары! Да, с ней можно было бы такие дела творить!..» – восхищенно подумал он и спрятал камеру в карман плаща. По спине еще бегали холодные мурашки. Но судьба, в награду за пережитый ужас, послала ему еще один сюрприз, на сей раз куда более приятный. Среди дощатых ступенек, по которым они поднимались наверх дюны, взгляд цепко выхватил одну – с полустертой надписью: «Учебные снаряды. 88-мм калибр». Кто-то из батарейцев, ремонтируя лестницу, использовал дощечки из-под старого снарядного ящика. И вот вам, товарищ Лунь, как по заказу – точные сведения о калибре прикрытых сетью орудий!

Они поднялись на песчаное плато, заросшее кривым, выросшим на морских ветрах соснячком, и направились к молу. У выхода на волнолом белела маленькая харчевня «Штрандхалле», обещая хороший кофе и доброе вино. Право, стоило взбодриться после такой встряски.

– Вас не продуло? – спросил Лунь свою спутницу. – Как вы насчет наперсточка?

– Какого наперсточка?

– Наперстка коньяка?

Вейга усмехнулась:

– Не слишком ли часто вы прикладываетесь к рюмке?

– Что поделать? У меня очень нервная работа.

– А в чем заключается ваша работа?

– Я антиквар. У меня свой магазин в Кёнигсберге.

– Разве работа антиквара такая нервная?

– Вы себе представить не можете! Все время приходится что-то искать, все время что-то ускользает, уплывает из рук. Мы, антиквары, охотники. Только охотимся не на дичь, а на старинные прекрасные вещи, на картины, книги, раритеты времени. Но сегодня все это мало кому нужно. Сегодня в моде то, что не столько украшает, сколько упрощает жизнь. К тому же в нашем деле такая конкуренция...

– Ну, что ж! Вы убедительны. Давайте по наперсточку.

Они зашли в кафе. При этом Лунь не преминул заметить, что из зала хорошо виден пляж, перегороженный запретной зоной. Они сели за деревянный столик, сколоченный из палубных досок пиратского, должно быть, брига. Пожилая хозяйка-литовка зажгла свечу в кованом подсвечнике и предложила меню. Вейга заговорила с ней по-литовски как со старой доброй знакомой.

– Может быть, заказать что-нибудь посущественнее? – спросил Лунь. – Время ужина. Я бы не отказался от жемайтийских блинов.

– Регина предлагает только что испеченные кибины – пирожки с мясом.

– Замечательно! Вот их и возьмем!

– Попробуйте ведарай! – предложила на немецком Регина.

– А что это такое?

– О, это наш клайпедский деликатес! Простите, мемельский, – поправились хозяйка. – Это свиные кишки, фаршированные картофельным пюре со шкварками.

– Звучит аппетитно! – оживился Лунь. – Но я бы хотел попробовать цеппелины. Это ведь тоже клайпедский деликатес? – нажал Лунь на слово «клайпедский», почти запрещенное в германском Мемеле.

– А мне кибины, – сказала Вейга. – И чашечку кофе.

– И чуть-чуть коньячка, – добавил Лунь. – К кофе.

– Кофе с гвоздикой или корицей? – уточнила Регина.

– С корицей! – воскликнули оба и улыбнулись друг другу: приятно, когда вкусы совпадают.

Пока Регина ходила на кухню, Лунь отправился мыть руки в туалет и обнаружил, что из его фрамуги батарея видна, как на ладони. Он встал на унитаз и сделал несколько снимков.

«Шпионская классика!» – усмехнулся он и поздравил себя с несомненной удачей.

– Мне жаль этого парня! – вздохнула Вейга, разрезая кибину. – Из-за нас ему, наверное, здорово достанется! Что с ним сделают?

– Ну не расстреляют, по крайней мере, – усмехнулся Лунь. – Он нарушил главное правило: часовой не имеет права вступать в разговоры. Ему разрешены только две фразы: «Стой, кто идет?» и «Стой, стрелять буду!»

– Какой ужас!

– Так принято во всех армиях мира. Но его не будут пороть шпицрутенами. Дадут пару лишних нарядов. В крайнем случае, посадят на гауптвахту.

– Все равно это ужасно. Человек хотел нам помочь, а его за это в тюрьму. Надо пойти и попросить за него у командира.

Лунь чуть не поперхнулся кусочком цеппелина. Хорошенькая затея! Нет уж, хватит судьбу искушать! Сегодня и так пуля у виска просвистела. Хотя, если фарт пошел, надо играть до конца!

Он поднял свой «наперсток», куда вместились добрых сто граммов коньяка, и опрокинул залпом, поймав при этом удивленный взгляд Вейги – разве коньяк так пьют? – но милая фройляйн, или, как вас там, по-литовски – паняле, если бы вы знали, как перенапряженные нервы жаждут сейчас разрядки... Ох, хороший коньяк у этой Регины. Какой нежный ожог...

– Пожалуй, вы правы! Надо сходить и попытаться смягчить участь этого парня.

Допив кофе и распрощавшись с Региной, они вышли на мол, подышали морским бризом. Лунь сделал несколько снимков Вейги на фоне береговой батареи. Он прикинул дистанцию – от корня мола до батареи метров шестьсот. Мол – прекрасный ориентир для определения ее местоположения на карте, да и в натуре: что с моря, что с воздуха.

Они вернулись обратным путем, без труда нашли КПП и обратились к дежурному штаб-фельдфебелю:

– Нельзя ли поговорить с командиром батареи?

– По какому вопросу? – осведомился бравый штаб-фельдфебель. – И как о вас доложить?

– Скажите, что господин фон Шведер из Кёнигсберга хотел бы поговорить о поведении одного из его подчиненных.

В этом ответе была своя интрига, которая не могла не сработать. Дежурный по КПП снял телефонную трубку и нажал тангенту. Пока он объяснял кому-то суть дела, Лунь усмотрел в углу служебной инструкции подпись майора Финке. Вероятно, это был командир батареи.

– Сейчас подойдет старший офицер, командир занят.

– Майор Финке не сможет нас принять? – уточнил Лунь.

– Нет, попробуйте обратиться к нему завтра.

«Итак, командир батареи майор Финке!» – резюмировал разведчик. Курочка по зернышку клюет...

– А как зовут старшего офицера?

– Можете обращаться к нему – «господин Буш».

– Благодарю вас!

Вот и еще одно зернышко...

Минут через пять на КПП появился высокий тощий гауптман, который и оказался «господином Бушем». Лунь предпочел, чтобы все объяснения прозвучали из уст Вейги. Это было эмоционально и весьма убедительно.

– Просим вас, господин гауптман, не наказывать солдата, – подвел итог Лунь. – Мы по своему неведению подставили парня.

– Ведь он не сделал ничего плохого, он просто показал нам обходной путь! – умоляла Вейга.

– Хорошо, фройляйн! Не будем его наказывать строго только потому, что вы за него просите! – улыбнулся суровый гауптман. – Рядовой Гисбрехт и в самом деле хороший солдат. Хайль Гитлер!

– Хайль!

Они вернулись к автомобилю.

– Ну, вот, – заключил Лунь, – сделали доброе дело. Сколько у нас сегодня было с вами приключений. Это все чайка с ключами!

– Мне понравились наши приключения, – улыбнулась Вейга.

– Надо назначить день для следующих авантур! – Лунь вывел машину на главную дорогу.

– Когда вы будете в Мемеле?

– Трудно сказать. Давайте созвонимся.

Они обменялись визитками.

Он высадил ее на Либауэрштрассе, которая еще сохранила литовскую табличку «Лепугатвя» – Липовая улица. Вейга протянула ему руку, и он поцеловал ее.

– До свидания!

– Широкой дороги!

Женщина исчезла так же быстро, как и появилась... Лунь даже не успел заметить, в какой дом она вошла. Он свернул к паромной переправе и нажал на газ. Самое главное – дело сделано и сделано хорошо!

Тем не менее всю обратную дорогу он думал не о береговой батарее и как удачно ее удалось снять, а именно об этом странном знакомстве.

Вейга... Сама о том не ведая, она помогла ему сегодня пройти по краю пропасти. Она помогла ему выполнить рискованную работу. Может, ее вербануть? Ни в коем случае! Зачем подставлять под удар эту милую женщину? Он и без того вовлек ее сегодня в смертельно опасную авантюру – использовал как живое прикрытие. Если бы жандармы засекли его съемку, ей бы ох как не поздоровилось! Расстреляли бы как пособницу шпиона. А то еще хуже – отсекли бы голову на гильотине в Плетцене¹. Нет, нельзя так играть чужими жизнями. Конечно, Орлан бы высмеял его рассуждения – разведчик для выполнения задания имеет право на все. И что там жизнь какой-то мемельской обывательницы, когда речь идет о судьбе мировой революции?!

Он не будет спорить с Орланом, и Орлан никогда не узнает о Вейге. И ему самому следует забыть о ней, если он и в самом деле желает ей добра. Жаль, конечно... Она очень мила и женственна, и их сегодняшний легкий флирт будет помниться долго.

Он достал ее визитку: Сольвейга Маринискайте, главный бухгалтер швейной фирмы «Аудинис». Текст был напечатан на литовском и польском. Как мило – бухгалтер... Есть же такие замечательные мирные профессии... На подъезде к Пилькоппену Лунь остановил машину, достал зажигалку и сжег визитку. Ничто не должно скомпрометировать главного бухгалтера фирмы «Аудинис». Пусть живет в безопасности. Это все, что он мог сделать для нее в благодарность за день, проведенный вместе.

На другой день Лунь, как всегда, отправился на утреннюю пробежку в Ботанический сад. В сумочке, пристегнутой к поясу, лежал пакетик пшена для птиц, пачечка мятных пастилок и сверточек с фотопленкой, завернутую в листок донесения и фольгу из папиросной коробки. За кустами можжевельника почти у самой ограды стояла старая водоразборная колонка. Лунь сделал вид, что проверяет, можно ли пустить воду, сунул в кран сверточек и вышел на аллею. Вечером в тайник заглянет Орлан.

Из донесения агента ГРУ Луны:

«Береговая батарея кригсмарине «Мемель-порт» вооружена тремя зенитными 88-мм орудиями. Может вести огонь и по морским целям.

Расположена в 500–600 метрах от корня бреkwатера. Угол обстрела по видимым морским целям 140–150 градусов. Может вести перекидной огонь через мемельский участок Куршской косы. Две орудийные площадки расположены на самом штранде, одна – выше на три метра, поэтому огонь в тыловом секторе может вести только одно орудие. Два железобетонных бункера для укрытия орудийной прислуги.

Ориентир с воздуха: пятьсот метров левее бреkwатера.

Командир батареи майор Финке. Старший офицер – гауптман Буш. Фото прилагаются».

Это была образцовая работа. И когда Орлан подал сигнал о встрече, у него не было сомнения, что речь пойдет о благодарности за хорошо сделанную работу и скорее всего Лунь получит новое задание. Но все оказалось не так. Орлан даже не обмолвился о снимках береговой батареи.

Они сидели в бирштубе «У Оскара» на Штраусштрассе.

¹ Тюрьма в Берлине, где преступников обезглавливали с помощью «чисто арийской» гильотины «файльбайль».

Орлан долго молчал, а Лунь ничуть его не торопил, наслаждаясь добрым баварским пивом.

– Меня отзывают в Центр... – невесело сообщил Орлан, поглаживая запотевшую кружку, и усмехнулся. – Когда я еще попробую теперь такого пива?... Да... Слухи там ходят самые мрачные... Идет очередная чистка. Скорее всего вычистят и меня. Есть у меня такое предчувствие. Если все будет именно так, то мы с тобой больше никогда не увидимся.

Он поморщился и сделал большой глоток пива.

– Но чтобы там ни случилось, знай – работать с тобой мне было хорошо. И дай Бог тебе удачи, везения, счастья!

Лунь помрачнел:

– Я тоже был с тобой, как за каменной стеной.

– Ты умеешь работать. Я отправил твоё донесение. Полагаю, получишь к празднику майора. Если тебя тоже не отзовут туда же, куда и меня... Давай так договоримся. Прибудет мой сменщик. Я попрошу передать тебе от меня привет. Если передаст – значит, все в порядке. Если нет – значит, мои предчувствия оправдались. Значит... Ну, думай сам и поступай по обстановке. Ты меня понял?

– Да.

– Тогда давай лапу!

* * *

Клара встретила его встревоженным взглядом:

– Что случилось? На тебе лица нет!

– Да, так... Приступ изжоги. Надо бы желудок обследовать. Уж не гастрит ли?

– Выпей настойку солодки! Я сейчас накапаю.

– Свари лучше кофе.

– Кофе только усилит изжогу. Сначала солодка.

После Вены Лунь опасался принимать какие-либо лекарства из рук Клары. Ложку с солодкой он долго держал в руке, а когда Клара потянулась за кофейником, выплеснул ее в цветочный горшок.

Он спустился в подсобку. Сел за стол и вперил взгляд в «Остров мертвых». Но мысли его витали в кабинетах московских начальников.

«Что они там, с ума посходили? Уничтожать лучших работников, преданных делу, проверенных и перепроверенных? А может, это по чьей-то вражеской наводке происходит? Засел гад в верхах и оттуда руководит: этого к стенке, а этого, самого ничтожного и бесполезного – на повышение... Неужели и меня отзовут? Но за что? Я же нигде ни разу не прокололся. Врос в обстановку. Легализовался как никто. Столько лет ушло на подготовку: Варшава, Вена...

Столько благодарностей! Досрочно на майора послали... Нет, не должны. Абсолютно не за что? Но это с моей колокольни – не за что; а что у них там на уме – темна вода в облаках... Может быть, Орлан серьезно прокололся? Засветился? Но тогда надо убирать и меня – я его человек...

Как бы там ни было, надо готовить запасной аэродром».

На случай провала был предусмотрен вариант «Зонтик». В случае явной угрозы ареста Лунь должен был взять заготовленный комплект новых документов на имя Вилли Лейтцнера, владельца фотоателье в Мюнхене, и, сбивая слежку, следовать окольными путями в Мюнхен, где был предусмотрен запасной канал связи с Центром. Но вариант «Зонтик» на случай ухода от своих не годился...

Прошла неделя мучительных раздумий и сомнений. Новый шеф объявился сам. Он приехал в магазин в субботнее утро. Лунь как раз стоял за прилавком. Точнее, сидел в старин-

ном венецианском кресле. Востроносый посетитель в тирольской шляпе, в сером клетчатом костюме, совершенно невзрачный, долго расспрашивал его об открытках с видами английских городов, вдруг неожиданно произнес пароль:

– Мне сказали, что у вас есть хорошая копия картины Бёклина «Остров мертвых»?

Лунь вздрогнул и почему-то похолодел. Он встал и внимательно посмотрел на незнакомца. Тот ждал фразы-отзыва.

– Вас не обманули, – ответил он с полупоклоном. – Но, к сожалению, это не авторская копия. Следуйте за мной, я покажу вам свое сокровище.

Они спустились в полуподвальную подсобку, где и в самом деле висела не ахти какая копия картины знаменитого швейцарца.

– Давайте знакомиться, – протянул руку посетитель. Лунь пожал холодную жесткую ладонь. – Я ваш новый руководитель. Можете называть меня Петером.

– Чай, кофе, пиво?

– Нет, спасибо. У меня мало времени. Спешу передать вам хорошую новость: Центр высоко ценит ваши материалы и присвоил вам звание «майора». От души поздравляю вас.

– Служу трудовому народу! – шепотом произнес Лунь, и оба рассмеялись.

– Ну, большую звезду надо обмыть! – хозяин дома достал из тумбы стола початую бутылку французского коньяка.

Петер внимательно следил за его приготовлениями.

– Вас повысили не только в звании, но и в должности. Так что собирайтесь в Москву, вас ждет новая работа.

Лунь попытался поймать взгляд собеседника. Но Петер отвел его в сторону, изучая копию «Острова мертвых».

– И как скоро надо выезжать? – спросил Лунь, едва ворочая одеревеневшим языком.

– Вот ответ настоящего офицера! – похлопал его по плечу шеф. – Да хоть завтра! Я буду лично прикрывать ваш отъезд до самой границы.

– Спасибо. Но мне надо немного времени, чтобы завершить дела. Законсервировать свою агентуру. Подготовить здешнее окружение...

– Сколько вам нужно?

– Дней пять как минимум.

– Постарайтесь уложиться в три дня. В Центре не любят ждать, сами понимаете... Ну, давайте за вашу звезду! Пусть она будет для вас и счастливой, и путевой!

Оба пропустили по глотку божественного напитка. «Когда я теперь еще попробую такую вещь? – с привычной грустью подумал Лунь. – На Лубянке вряд ли поднесут...»

– Вы, кажется, не рады своим переменам? – испытывающе впери в него взгляд Петер.

– Всегда тревожно начинать все заново. Я здесь врос в обстановку. Стал настоящим кёнигбюргером. И вдруг такой поворот. А вдруг не справлюсь?

– Справитесь. Мы в вас верим!

– Кстати, а как там Орлан на новом месте?

– С ним все в порядке.

– Он ничего мне не передавал? На словах?

– Нет. Мы с ним почти не виделись...

Глаза Петера снова скользнули по «Острову мертвых»:

– Мрачноватая вещица! Говорят, подлинник висит в кабинете фюрера?

– Смотря что считать подлинником. Бёклин сделал семь авторских повторений.

– О, я смотрю вы стали настоящим искусствоведам.

– В штатском, – уточнил Лунь, и оба снова широко улыбнулись. Новоиспеченный майор долил рюмки: «А может быть, не так все страшно? Может быть, и в самом деле уйду на повышение? Не зря же звание присвоили?»

– Кстати, в кабинете у Владимира Ильича Ленина эта картина появилась намного раньше! – заметил Лунь, рассматривая «Остров мертвых», как будто видел его впервые.

– Вот как?! Не знал! – удивился гость.

– Считают, что в этой картине Бёклин выразил предчувствие мировой войны. Хотя написал он ее лет за двадцать до начала всеобщей бойни. – Лунь сделал многозначительную паузу и тут же попытался застать врасплох своего собеседника: – А Клара остается здесь?

– Да.

– Тогда надо будет объяснить соседям мое исчезновение. Мы поссорились? Разошлись? Развелись?

Петер несколько замешкался:

– Да, что-нибудь в этом роде... Но это уже не ваши заботы. Ваша забота – побыстрее собраться и появиться на вокзале в тот день и час, когда я скажу. Мы едем поездом. На вас подготовлены новые документы. Вы пересекаете границу как коммерсант из Киля Отто Крайзер. Документы в полном порядке. Не волнуйтесь. Кстати, пригласите Клару, мне надо тоже с ней поговорить.

Но Клара оказалась легкой на помине: в амбюшуре переговорной трубы раздался ее голос:

– Уго, тебя к телефону! Молодая дама!

Петер подмигнул – бери быстрее трубку! Лунь поднялся в торговый зал. Он был готов услышать кого угодно, но только не Вейгу. Но это была она!

– Как вы добрались тогда до Кёнигсберга?

– Спасибо. К сожалению, без приключений.

– Ну, тогда я привезу вам их из Клайпеды. Завтра приезжаю по делам в Караявичюс. Вы обещали показать город.

Все немецкие города она называла по-литовски. Смелая женщина!

– Да, обещал... – замешкался Лунь. – Но дело в том, что и я уезжаю. И, к сожалению, надолго. Сборы в дорогу...

– Жаль. Искренне жаль...

В ее голосе прозвучало непритворное сожаление.

– А впрочем, я найду время, чтобы показать вам Кёниг, столицу марципанов! Где и во сколько вас завтра найти?

– Я приезжаю утренним автобусом. Думаю, где-то около одиннадцати у железнодорожного вокзала.

– Да, да – Зюдбанхоф! Я вас там встречу!

* * *

Перед поездкой на Зюдбанхоф Лунь открыл сейф и достал оттуда всю месячную выручку магазина. Она была невелика, но на хороший ресторан, цветы и подарки вполне хватало.

Лучший цветочный магазин находился на Берлинерштрассе. Он долго выбирал цветы: остановился на аустамах и герберах.

В портфеле у него лежала старинная венецианская плакетка с изображением наложенных друг на друга масок Баута (это он, Лунь, лицедей) и Венецианской Дамы (это Вейга) – так надо было понимать эту символику.

Лунь припарковал свой «рено» на вокзальной площади так, чтобы был виден двор автобусной станции. Накапывал дождик. Но день обещал быть погожим. Лунь не смог припомнить, когда ноябрь был таким солнечным и теплым, как этот – ноябрь 1939 года. Он включил радиоприемник – новомодную новинку века. Собственно, из-за этого приемничка он и купил

весьма неновый «рено». С началом войны власти объявили о сдаче всех домашних радиоаппаратов. Но об автомобильных приемниках в распоряжении ничего не было сказано. Так что у Луны была пока возможность прослушивать эфир, хотя бы в самой ближней зоне. Правда, на взморье, где-нибудь в районе Раушена, можно было поймать и английское вещание. Вероятно, в ближайшее время объявят о мобилизации личного автотранспорта. Но это уже никак не могло волновать Луня...

Голос диктора сообщал:

«Вчера состоялась официальная церемония ввода в Литву советских войск, которая носила чисто символический характер, поскольку советские войска уже находятся в Вильно, ставшим Вильнюсом с 20 сентября нынешнего года...

Герой рейха капитан-лейтенант Гюнтер Прин, потопивший английский линкор «Ройял Оук», прибыл в Берлин для...».

Лунь не дослушал про героя рейха – прибыл мемельский автобус. И первой из него вышла Вейга. Перетянутая широким поясом в талии она походила издали на букву «Х». На голове у нее была темно-синяя шляпка в виде бабочки со сложенными крыльями. «Как же трудно быть женщиной! – подумал Лунь. – К каким ухищрениям надо прибегать, чтобы привлечь внимание нашего брата!» Впрочем, Вейга могла задержать на себе мужской взгляд даже в сером халате.

– Ваш наряд, как всегда, выше всяких восхищений! – улыбнулся ей Лунь.

– Спасибо! Главное, что это не купленное, а самой придуманное и самой сделанное.

– Слов нет!

– Ну, я же вам рассказывала – у нас швейная фирма. Я не только веду бухгалтерию, но и сама еще что-то рисую, творю... Куда мы поедем?

– Начнем *ad ovo*, как говорили римляне, от яйца.

– А что, Кёнигсберг построили римляне?

– Нет, основал город чешский король. Отсюда и название – Королевская гора, Кёнигсберг.

– По-польски Крулевец. По-литовски – Каралевичюс, – продолжила экскурс Вейга. – Так что же будет яйцом?

– Ну, разумеется, Домский собор.

Конечно же, знакомиться со столицей Пруссии надо было от подножия этого величественного храма. Они поспели к началу мессы. Молились за победу германского оружия над врагами. Вейга хотела уйти, но тут заиграл орган.

Первый мощный аккорд сотряс своды зала и заставил умолкнуть вся и все. Это был властный призыв к отрешению от всего земного и бренного. Через короткое затишье на прихожан обрушился мощный поток ликующе-гневных, смиренно-восторженных пассажей. Право, такую музыку нужно было слушать стоя, благоговейно склонив голову.

Чистые нежные звуки вплетались в грозный и торжественный рык басов. Жалобные наигрыши пастушек исчезали под выкриками архангельских труб, созывающих на Страшный суд.

Орган неистовствовал, извергая все мыслимые и немыслимые гаммы звуков – от свирельных переливов до хриплого рева тубы мирум.

Сквозь клики боевых труб робко пробивались нежные пасторали. На жалобный хор показанных голосов обрушивались раскаты праведного гнева... Лунь застыл у пилон. Это была прелюдия к его возвращению в Москву. Ему показалось, что его сейчас отпевают заживо, ибо там, где он скоро окажется, ничего подобного он не услышит... Там будет другая музыка. Если будет...

Они вышли из собора потрясенные, молчаливые. Ноги сами собой привели их к могиле Канта, пристроенной к западной стене храма.

По разводному мостику они перешли с острова Кнайпхоф в Фишдорф, Рыбную деревню, над которой возвышалась старая мельница, превращенная в кафе. Именно на этой мельнице Вейга с удовольствием выпила кофе после долгой дороги. И конечно же, с марципанами. Лунь вручил ей бронзовую плакетку с венецианскими масками. Она с интересом разглядывала подарок.

– Что означают эти маски?

– Это вы и я.

– Разве я в маске?

– Конечно. Все люди в масках. И только в редких случаях они вешают их на гвоздик.

Иногда – на спинку кровати.

– Вся наша жизнь – карнавал?

– Конечно. Иногда озорной и веселый. Чаще – грустный и даже трагичный.

– Так, значит, вы меня видите в маске Венецианской дамы?

– Нет, в маске Мемельской дамы.

– А вы сейчас в какой маске?

– Наверное, в маске Баута, если следовать этой вещице...

Лунь любил Кёнигсберг – один из самых красивых, богатых и умных центров Европы. Ему он нравился даже больше, чем общепризнанная красавица Вена или гонорливая Варшава.

Он не столько показывал город, сколько прощался с ним, впитавшем в себя дух моря и тайны алхимиков, идеи Канта и великолепные органные мессы. Да, конечно, был тут замешан и кичливый барабанный бой прусского воинства и «орднунг» гитлеровских чиновников. Но истинный первозданный Кёнигсберг был выше всего наносного, новодельного...

Лунь прощался с Кёнигом, как по-домашнему называли его старожилы, и Вейга – одним своим присутствием – помогла сделать это прощание элегическим, красивым, незабываемым.

Последнее, с чем Лунь распрощался с большим сожалением, был его испытанный верный «рено», оснащенный радиоприемником. Но такова была воля Москвы, переданная ему резидентом. И такова была доля разведчика: ни к чему и ни к кому не прикипать сердцем в чужой стране.

* * *

И вот этот день настал... Утром Лунь обошел весь дом. Он привык к нему настолько, что даже возникла иллюзия, будто это его родной дом, и теперь надо было прощаться с ним навсегда. Собственно, хроническое прощание с людьми, вещами, жизнью – это одна из издержек профессии разведчика...

В нижнем кабинете он открыл свой сейф, переложил из него в карманы пиджака – запасной паспорт, пачку крупных кредиток и золотой медальончик, в который он уже успел вставить портрет Вейги.

Прощание с Кларой вышло сухим и деловым. Возможно, она тоже догадалась, для чего вызывают в Москву ее напарника. Возможно, по-женски почувствовала, что в жизни Луны появилась некая роковая дама...

– Надеюсь, ты скоро вернешься, – не то спросила, не то утвердила она.

– Мне бы тоже не хотелось никаких особых перемен, – Лунь поцеловал ее в любимое место – в шею под узел волос. Все-таки и к ней он за столько лет успел привыкнуть.

На вокзал он отправился на трамвае. Петер встретил его за стойкой в пивном буфете. Он был одет в серый дорожный костюм, рядом на стойке лежал красивый кожаный портфель.

– Значит, так! – предупредил он. – Мы едем в одном вагоне, но в разных купе. В случае чего – ты не знаешь меня, я не знаю тебя. До пересечения границы мы не общаемся!

Этот инструктаж привел Луня в унылое недоумение: в чем же тогда будет заключаться его прикрытие?

– Садись первым. Я за тобой, – из голоса Петера исчезли прежние нотки предупредительности, дружелюбности. Теперь он отдавал команды. И попробуй послушаться. Он не прикрывал, он конвоировал своего подопечного. В вагоне поезда это ощущение окрепло и превратилось в убеждение. Да, его майора Северьянова, решили вычистить из военной разведки. За что? Да мало ли за что? За не рабоче-крестьянское происхождение. За то, что был офицером императорской армии. Уже этого вполне достаточно, чтобы вызвать недоверие. Но ведь он никогда не скрывал, указывал во всех анкетах, что родители его из служащих, что в Первую мировую воевал в чине подпоручика. И столько лет ему доверяли ответственные задания, и он ни одного не провалил, и награждали орденами и досрочными званиями. Почему тогда эти биографические обстоятельства никого не смущали, а теперь смутили? Да и в них ли дело? Если убрали Орлана, если его – не дай бог – назвали врагом народа, значит, уберут и все его окружение. Вот и все. И к бабке не ходи! Значит, и его, Луня, тоже уберут! Как пособника врага народа, который состоял с ним не просто в служебных отношениях, но и в давних дружеских. Такое не простят!

Чем ближе подходил поезд к границе, тем больше Лунь укреплялся в этой мысли. Он попытался представить себе, чтобы сказал бы ему сейчас Орлан, если бы сидел сейчас в этом же купе – напротив, вместо пожилой дамы, похожей на учительницу математики. Перед глазами возникла саркастическая улыбка друга: «Я же тебе все объяснил! И код предупреждения тебе передал. Ты же понял, что со мной беда, и все равно едешь, как баран на заклание! Никто с тобой в Москве не станет чикаться. Никто не станет копаться в твоей родословной, как никто не станет изучать твои заслуги. Тебя даже в Москву не повезут, перехватят где-нибудь в Вильно, отвезут на военную базу, допросят для порядка и шлепнут в ближайшем лесочке. И никто не узнает, где могилка твоя...»

Это была любимая припевка Орлана, человека отнюдь не мрачного, а совсем напротив – большого охотника до женщин и прочих радостей жизни.

В Шталлупенене, последней германской станции, у Луня еще был шанс покинуть поезд. Пограничники не сразу входили в вагон. В течение пяти минут еще можно было выйти из вагона или войти в него. Потом наступал режим пограничной зоны. Лунь сидел в оцепенении. Он не в силах был сдвинуться, точно его загипнотизировали. Попробовал бы он выйти сейчас, как за ним сразу же отправился бы и Петер, его конвоир. Тем более что идти пришлось бы мимо распахнутого купе Петера.

Ну, вот и эти спасительные минуты истекли: проводник строго предупредил, чтобы все оставались в купе – выход в коридор вагона, а тем более на перрон запрещен.

– Дамы и господа! Сейчас придет пограничный контроль. Приготовьте, пожалуйста, паспорта!

Лунь проверил свой паспорт. Он лежал в левом внутреннем кармане пиджака. Пожилая дама, сидевшая напротив, вспомнила, что она оставила документы в чемодане, и, извинительно улыбаясь, попросила Луня достать ее чемодан с верхней полки. Лунь встал, приподнял довольно увесистый чемодан. Чтобы поудобнее его перехватить, он навалился грудью на край полки, и тут что-то хрустнуло у него в груди, точнее, на груди. Сняв чемодан, он с ужасом обнаружил, что раздавил авторучку – свой любимый «паркер» – и по сорочке расплывалось безобразное чернильное пятно.

– Простите, меня, ради бога! Это все из-за меня! – причитала пожилая дама. – Боже, какой ужас! Это же чернила! Они так плохо отстирываются. Но я знаю рецепт! У меня муж – аптекарь и он сам придумал препарат, – тараторила она. – Я вам сейчас его напишу.

Чернильное пятно проступило и сквозь ткань дорогого пиджака. Пиджак безнадежно погиб. «А, – усмехнулся про себя Лунь, – снявши голову по пиджаку не плачут». Но все же еще

надо будет как-то добираться до Москвы. Ничего, это уже забота конвоира. Орлан же обещал, что дальше Вильно он не уедет.

– Ваши паспорта! – В проеме купе выросла массивная фигура пограничника в полном боевом снаряжении и даже с автоматом по случаю военного времени. Лунь обреченно протянул свой новехонький паспорт. Но что это? Он тоже был в чернилах! Пограничник брезгливо развернул его:

– Ваш паспорт испорчен. Он считается недействительным. Я не могу пропустить вас через границу!

Пожилая дама в ужасе прикрыла рот и сочувственно смотрела на услужливого попутчика. И тут Лунь понял, что это спасение!

– Я могу поговорить с вашим начальником? – спросил он, тщательно скрывая нотки радости.

– Можете. Но только это ничего не изменит. Вам нужно переоформить новый паспорт. Забирайте свои вещи!

Лунь подхватил чемоданчик, распрощался с попутчиками и покинул вагон в сопровождении рослого и воинственного grenцвахтера. Проходя мимо купе Петера, он перехватил его испуганный взгляд. Но тот, верный своему напутствию – ты не знаешь меня, я не знаю тебя – остался на своем месте.

Из вагона Лунь вышел, как из тюремной камеры – на свободу! И осеннее солнце засияло по-иному, и ноябрьский листопад, покрывавший черепичную крышу вокзала кленовым золотом, показался небесной благодатью, а раскатыстое карканье станционных ворон – самыми нежными звуками на свете.

Он прошел мимо окна, к которому приник его конвоир, и слегка развел руками – я тут ни при чем, не по своей воле! Петер тут же отпрянул от стекла. Пусть теперь гадают: то ли паспорт неправильно оформлен, то ли это провал и его подопечного ведут в гестапо. Ах, как замечательно все получилось! Как по заказу! Спасибо «паркеру», спасибо этой пожилой даме – наверное, терзается сейчас, что из-за нее сняли с поезда пассажира. «Данке шён, либе фрау!» Теперь ищи ветра в поле! Лунь ощутил бешеный прилив жажды жизни, немедленной деятельности. Надо тотчас возвращаться в Кёнигсберг и уж, конечно же, не в свой особнячок в Обертайхе, а на Литовский вал, на конспиративную квартиру... А там... Там разберемся что к чему и как жить дальше.

Поезд тронулся, увозя незадачливого конвоира. Ох, и влетит ему от начальства – не смог доставить врага народа!

В вокзальную погранкомендатуру Лунь решил не ходить. Сказал пограничнику:

– Вы, наверное, правы. Надо переоформить паспорт.

Он хотел уйти, но его остановили.

– Не спешите, – сказал пограничник. – Надо составить протокол. Но это не отнимет много времени.

Все формальности и в самом деле заняли не больше четверти часа. Лунь подписал пункт, что не имеет претензий к погранслужбе, что все убытки за прерванную поездку относит на свой счет и обязуется в ближайшее время переоформить испорченный паспорт. Лейтенант с зелеными выпушками на погонах, сочувственно посмотрел на чернильное пятно, проступившее на груди пиджака, и отпустил его с миром.

Лунь достал из чемоданчика плащ и прикрыл все еще влажную кляксу.

Ближайший поезд на Кёнигсберг уходил через полчаса. Можно было скрасить время в буфете за кружкой пива и, конечно же, продумать все шаги на ближайшие дни. Первое: не объявляться Кларе. Второе: проникнуть в дом, когда ее не будет, забрать все нужные вещи и оставить следы грубого обыска. Она, конечно же, донесет в Центр и это будет еще одним доказательством, что Лунь находится под серьезным колпаком у контрразведки. Конечно же,

Клара запаникует и уйдет на «запасной аэродром». Но это уже ее проблемы. Все равно агентурная сеть разгромлена благодаря сверхбдительным – или как их еще назвать – товарищам из Москвы. Проникнуть в дом надо тогда, когда Клара будет в бассейне. В бассейн она ходит по вторникам и субботам. Завтра суббота. Сегодня он переночует на Литовском валу, а завтра нагрянет на Гендельштрассе. В спешке отъезда он не оставил ей ключей от своего сейфа. В сейфе помимо всего прочего хранились браунинг, а главное – торговая выручка за месяц, которую он не успел сдать в банк и деньги за проданный «рено». Дубликаты ключей от дома Клара забрала себе. Но проникнуть в дом, в цокольный этаж, а потом в свой нижний кабинет он сможет и без ключей. Вариант незаметного выхода (как и входа) был давно продуман и не раз осуществлен на практике.

Все это он проделал, дождавшись, когда Клара выйдет из дома. Со сноровкой бывшего «медвежатника» обчистил свой сейф, забрав пистолет и деньги. Затем расшвырял все вещи по кабинету, сбросил с полок книги... Пусть гадают, кто это сделал – тайная полиция или домушники. Напоследок взял с собой чемодан с личными вещами, упаковав в него еще и несколько самых ценных антикварных раритетов. В последний раз посмотрел на «Остров мертвых» и покинул дом через тайный лаз.

Ночь благополучно провел в конспиративной квартире на Литовском валу. Проснулся рано, сделал зарядку, приготовил легкий завтрак, и все это не прерывая раздумий – как жить и что делать в новом подполье.

Он еще раз изучил свой запасной – на случай провала – паспорт.

«Теперь я не Уго Шведер, теперь я Уго Швальбе!» Он стоял перед зеркалом и повторял до тошноты «Уго Швальбе... Я – Уго Швальбе». Хорошо, что имя оставалось прежним. Так было задумано специально. На имени легче проколоться, чем на фамилии. Мало ли кто мог окликнуть его по старому имени...

Первым делом он отправился в спортивный магазин и купил легкий мотоцикл DKW черного цвета. Мотоциклы еще продавали, но без колясок. Слава богу, вермахт еще не наложил свою лапу на двухколесный транспорт.

Новый паспорт был благополучно опробован в полицейском отделении при регистрации мотоцикла. Никаких лишних вопросов, никаких придинок. Теперь у него были свои колеса, и это во многом упрощало его положение. Надо было «рвать когти» из Кёнигсберга. Но куда?

Прежде чем решить эту проблему, он заехал пообедать в придорожный гаштет. За сосисками с тушеной капустой развернул «Балтишер Беобахтер».

Малозаметное убористое объявление в нижнем углу последней газетной страницы обещало такую же малозаметную убористую жизнь: «Мемельскому городскому кладбищу требуется фотограф». Лунь сразу же взял его на заметку и на другой день, переночевав на второй конспиративной квартире – на Гендельштрассе, был уже в Мемеле.

Директор кладбища – отставной ротмистр рейхсвера, подтянутый, несмотря на годы, – с усами колечками по моде начала века – принял соискателя незавидной должности весьма любезно. Первым делом он показал ему фотолабораторию. Она находилась здесь же, на первом этаже двухэтажной кирхоподобной конторы. Глухой темный чуланчик два на два метра сообщался с комнаткой фотографа на два метра длиннее лаборатории со стрельчатым оконцем в торце и отдельным входом во двор. В камере стояла железная кушетка, по всей вероятности, из кладбищенского морга. Впритык к ней стоял стол, а впритык к столу шкафчик-картоньер, изрядно источенный шешелем. Над ним висел фотопортрет кайзера Вильгельма в шлеме.

– Это мой друг снимал! – с гордостью пояснил директор. – Он был очень хорошим фотографом, но пил... Мы с ним в одном полку служили... Теперь вот, где работал, там и упокоился.

– Он здесь и жил?

– Да. У него никого не было... Итак, жалованье здесь небольшое. Но я готов оформить вас еще и как ночного сторожа, если вы будете здесь жить. К тому же вы можете подрабатывать и в роддоме, как это делал мой друг.

Лунь поблагодарил директора и согласился на все его предложения. Это было идеальное место, чтобы надежно залечь на дно. К тому же бесплатное жилье да еще с отдельным входом.

Первым делом он купил подушку, одеяло и постельное белье. Тюфяк был оставлен ему в наследство предшественником. Обедать ходил в «Сфинкс» – небольшой гаштет рядом с кладбищем. Нехитрый завтрак и еще более простой ужин готовил сам: бутерброд с сыром, кофе из термоса. В лаборатории стояла электроплитка для подогрева растворов; на ней Лунь иногда отваривал картошку или жарил омлеты. Надо было отчаянно экономить, чтобы продержаться на более чем скромном жалованье кладбищенского фотографа. С сентября резко вздорожали бензин, фотопленка, а также все фотохимикаты.

Работы было немного, хотя с началом войны люди стали умирать чаще. Два-три раза в день распахивались кладбищенские ворота, принимая очередной катафалк, запряженный парой вороных тракенов. Однако к услугам фотографа прибегали не все. Одни приходили со своими фотоаппаратами, другие экономили марки, третьи просто не хотели увековечивать печальное событие. Но все же съемка была, а вместе с ней и небольшой приработок, которого вполне хватало на дешевые обеды в «Сфинксе»: неизменный гороховый суп, шницель по-венски и кружка пива.

На счету в Дойчебанке лежала некая сумма, но это был стратегический резерв. Лунь опасался, что с ходом войны банковские счета заморозят, но все же деньги не снимал, так как обращение в банк могло нарушить его конспирацию. Кто знает, какие поручения относительно личности вкладчика могли получить банковские клерки?

* * *

В самый адвент на кладбище привезли хоронить пожилую женщину, хозяйку большого хлебного магазина. Пригласили фотографа. Лунь снимал погребальную церемонию, пока из стайки родственников его не окликнула некая дама в черном пальто. Вейга! Это ее тетюшку предавали сейчас земле. Лунь сдержанно кивнул и продолжил работу. Когда же все было закончено, подошел к Вейге с полупоклоном:

– Примите мои соболезнования...

– Благодарю! Вот уж никак не ожидала увидеть вас в Мемеле, да еще здесь! – взволнованно воскликнула Вейга, ловя любопытствующие взгляды родственников.

– Честно говоря, и я вас тоже.

Они ушли в тень большого католического склепа.

– Почему вы мне ни разу не позвонили? – спрашивала его Вейга. – Вы на меня за что-то обиделись?

– Ну, как вы могли такое подумать?!

– Тут можно все что угодно подумать...

– Понимаю... Но вы позволите мне объяснить мою ситуацию? Давайте посидим завтра в нашем кафе?

– Хорошо. Жду вас после работы. В семь вечера – «У Регины».

К этому свиданию Лунь готовился очень старательно: отутюжил лучший свой костюм, купил новый галстук и успел заглянуть к парикмахеру, который подравнивал ему усы и бородку.

Вейга пришла точно в семь. Лунь встал из-за столика, занятого загодя, и помог ей сбросить заснеженную шубейку с песцовым воротником.

– Что-нибудь к кофе? – предложил Лунь.

Вейга отрицательно покачала головой. Она грела замерзшие щеки.

– Ну вы же после работы? – настаивал Лунь. – И к тому же промерзли. По наперсточку коньячка?

– Если только коньячка. За нашу неожиданную встречу. Вас так трудно было узнать – вы зачем-то обзавелись бородкой.

– Если не идет – сбрею!

– Не надо. Пожалуй, с ней вы солиднее. Только зачем она вам?

«Чтобы затруднить поиск ищейкам из гестапо и бывшим коллегам из Разведупра», – усмехнулся про себя Лунь. Вот ответ ей так, совершенно честно – никогда не поверит. Но у него был приготовлен другой ответ:

– Это знак начала новой жизни. Я начал новую жизнь с абсолютного нуля.

– Что случилось? Почему? – воскликнула Вейга с непритворной тревогой.

Лунь выдержал паузу, в течение которой попытался прикурить в духе киногероя, но не нашел в портсигаре ни одной сигареты. Впрочем, волнение, которое должен был передать этот жест, вышло весьма натуральным. Ведь все, что он пока говорил, было чистой правдой. А дальше пошла тщательно продуманная легенда:

– Я давно собирался развестись с женой и наконец это сделал. Магазин принадлежал ей, и она по-прежнему им владеет. Мне же пришлось продать машину, чтобы набрать некую сумму для нового жизненного старта. К сожалению, две профессии, которыми я владею, оказались почти невостребованными в сегодняшней Германии. Вот я и нашел на первых порах работу кладбищенского фотографа. Нашел по объявлению в газете...

– Если бы вы позвонили мне, я помогла бы найти вам более интересную и, может быть, более доходную работу...

– Милая Вейга, спасибо! Но разве у вас мало других забот, чтобы взваливать на плечи и мои проблемы? Я мужчина, и я сам всего добьюсь.

– Пусть будет так... Но мы могли бы просто общаться безо всяких деловых отношений. У нас было такое необычное знакомство. Оно так замечательно продолжилось в Кёнигсберге... И вдруг вы пропали. Я не знала, что и подумать. Винула во всем себя – что-то не то сказала, что-то не то сделала...

– Право, вам не стоит терзаться по этому поводу! Ваше поведение безупречно! И у нас действительно было замечательное знакомство. Я много о вас думал...

– И что же вам мешало набрать телефонный номер?

– Вы позволите мне сказать правду? И при этом не обидеться?

– Ну, конечно!

– Видите ли, даже самое простое общение с красивой женщиной требует некоторых средств – цветы, кафе, такси, рестораны...

– Боже, какая чушь! – рассердилась Вейга. – Мне совершенно не требуются никакие такси и рестораны! Мне просто интересно с вами разговаривать. Даже безо всякого кофе! Как замечательно мы гуляли тогда по шtrandу...

– И все-таки не обошлось без кофе «У Регины»! – улыбнулся Лунь. – Но дело, конечно же, не в кофе. Постарайтесь понять мужскую психологию: финансовая несостоятельность для нас сродни физической импотенции. Для мужчины унижительно ощущать пустоту своего кошелька. Я бы, несомненно, вам позвонил... Позвонил бы сразу, как только почувствовал себя на высоте некоторого положения.

– Оставим этот разговор! Для меня мужская психология всегда была темным лесом. Но раз уж романтические, да нет, просто дружеские отношения вы примеряете к кошельку, тогда переходим на деловую почву. Нашей фирме нужен буклет для рекламы своих платьев и костюмов. Вы бы взялись сделать фотографии наших моделей?

– Да. Но только в одном случае.

– В каком?

– Если позировать мне в ваших нарядах будете вы.

Вейга рассмеялась:

– Хорошо! Сделка состоялась! Завтра жду вас на съемку. Если вы потеряли мой адрес, вот вам еще одна визитка.

* * *

Наутро Лунь примчался на мотоцикле в переулок Шнайдергассе. Он привез с собой кофр сразу с двумя камерами «Цейсс-икона» и любимую «лейку». Вейга встретила его в ошеломительно красивом костюме. Для съемки выбрали кабинет хозяйки фирмы – просторный и довольно светлый. Хозяйка – пышногрудая вдова клайпедского брендмейстера, особа экспансивная и отчаянно молодящаяся – тоже захотела демонстрировать фирменные наряды, и по очереди с Вейгой, удалялась в комнатку отдыха, ставшую импровизированной костюмерной. Лунь снял около сотни кадров и отправился в лабораторию. Конечно же, Вейга просто блистала в любом из нарядов. Она обладала незаурядным фотообаянием. Но и хозяйка ателье тоже осталась довольной своими портретами. Именно она выписала фотографу весьма приличный гонорар, который ему выплатила Вейга, исполняя по совместительству обязанности кассира.

Лунь прекрасно понимал, что это была замаскированная финансовая помощь от Вейги, и именно поэтому отправился в ювелирный магазин и купил там почти на весь гонорар изумительной работы янтарное кольцо с серьгами.

Вечером в кафе «У Регины» он вручил свой подарок совершенно растерявшейся Вейге.

– Зачем вы это сделали? Я не могу принять такой дорогой подарок!

– Вот-вот, это опять намек на мою финансовую несостоятельность, – деланно обиделся Лунь.

– Никаких намеков и в помине! Я просто не вижу ни одного повода для таких подарков...

– Один повод все же есть! Это начало нашего делового сотрудничества. Для меня это большое событие, и я хотел бы ознаменовать его этой совершенно пустяковой вещицей.

– Ах, так?! Тем более не приму, раз вы считаете это пустяковой вещицей! – Но в голосе Вейги была уже игра.

– Она пустяковая только в масштабе наших весьма грандиозных отношений, – выкрутился Лунь.

– Вы считаете наши отношения грандиозными? – спросила Вейга, принимая все же коробку с янтарным гарнитуром.

– Для меня они воистину грандиозны. У меня сейчас нет более значимого в моей судьбе человека, чем вы. И это чистая правда!

– Спасибо. Для меня это высокая честь. И это тоже чистая правда.

– Хороший повод подкрепить нашу общую правду хорошим коньяком!

– Только коньяк я выбираю и оплачиваю сама!

– Так не справедливо! Это была моя идея!

– Хорошо. Тогда поступим так: завтра воскресенье, и я приглашаю вас на воскресный обед. Куда именно, скажу при встрече. Итак, завтра в четырнадцать ноль-ноль я жду вас на театральной площади. Помните? Там, где мы познакомились.

Вейга, как всегда, пришла минута в минуту. Лунь весьма ценил подобную точность. Вежливость королей – лучше не скажешь.

Вейга продолжала интригу:

– Только не спрашивайте, куда мы идем, – попросила она своего спутника. – Пусть это побудет загадкой еще четверть часа.

– Пусть! – радостно согласился Лунь.

Они прошли по мостам и переулкам старого Мемеля, вошли во двор трехэтажного дома, а потом поднялись по деревянной лестнице на второй этаж. Вейга достала ключ и открыла дверь из мореного дуба. Это была ее квартира!

– Я приглашаю вас на домашний воскресный обед! – радостно объявила она.

– Вот это сюрприз! Что может быть вкуснее домашнего обеда!

– Ну, в этом еще надо убедиться.

Овальный стол был накрыт золотистой льняной скатертью, на которой стояли две мейсенские тарелки, фаянсовая супница, удачно подобранная в тон остальной посуде, такие же салатница и хлебница. Вейга, надев белый вязаный передничек, разложила по тарелкам салат из свеклы, красной фасоли и припущенного лука, заправленный сметаной. На первое был луковый суп, а к нему пирожки с капустой.

– Божественно! – произнес после первой ложки Лунь, никак не ожидавший такого приема.

– Это все по рецептам моей бабушки, – скромно потупила глаза Вейга. – Она была личной кухаркой губернатора Виленского края. Я ее хорошо помню – жила у нее три года, пока училась в гимназии.

– Это была польская гимназия?

– Нет, русская.

– О, тогда вы, наверное, знаете русский язык!

– Немного знаю.

– Надо же! И я тоже немного знаю, – Лунь перешел на русский: – И суп, и пирожки, и салат выше всяких похвал!

– А на второе будут ваши любимые цеппелины!

Вейга говорила по-русски с сильным литовским акцентом, но Лунь был в тихом восторге от того, что слышит родную речь, да еще из уст Вейги. Хозяйка дома поставила на стол пузатенькую бутылку настоящего «Мерло», обернутую салфеткой. Лунь разлил вино по бокалам.

– У меня есть тост, – сообщил он.

– Пожалуйста.

– Я предлагаю выпить за ту чайку, которая нас познакомила. Ведь именно с ее ключей и началось наше знакомство.

– О, да! – засмеялась Вейга. – Наше знакомство было точно предрешено на небесах.

Потом настало время чая с тортом «Наполеон». Затем они листали семейный фотоальбом Вейги, сидя близко и тесно, соприкасаясь локтями, плечами, коленями... Вечер, как втайне и надеялся Лунь, закончился в спальне...

...Днем, в суете и делах, воспоминания об этой феерической ночи были затянуты плотной вуалью. И только вспышки, подобные фотоблицам, выхватывали из темноты то обнаженный купол груди с сургучно-красными, словно секретными печатями, сосками, то яростно закушенную губку в пароксизме страсти, то нежный живот с волнистым руном паха...

* * *

И началась новая, почти сказочная жизнь! Все было так, как это бывает у всех счастливых людей: каждый вечер Лунь возвращался домой к искусно накрытому столу, к Вейге, в ее объятия с невыразимо долгими и томительными поцелуями... Кто бы знал, что литовские бухгалтерины умеют быть сущими одалисками?! Единственное, что омрачало благоденствие, так это ощущение смутной тревоги. Вечной, неотступной тревоги, в которой живет всякий нелегал-разведчик. Увы, прошлое нельзя отсечь, как размотавшуюся ленту, оно тянется за тобой неотступным шлейфом, на котором ты всегда можешь споткнуться...

Лунь ясно ощущал всю эфемерность своего нового бытия, и потому каждый новый день, прожитый с Вейгой, был бесконечно дорог ему. У них не было рутины; каждая встреча посреди ли рабочего дня, вечером ли превращалась в праздник, и каждая ночь – в мистирию нежности и страсти.

Источало тревогу и само небо, ибо теперь каждую ночь мемельцы ждали налета британской авиации, и потому держали возле дверей чемоданчики с необходимыми вещами и продуктами. Оконные стекла заклеивали бумажными крестами, а во всех подвалах больших домов были поставлены скамьи и бачки с питьевой водой. Но англичан Мемель интересовал пока мало. Особенно после майского разгрома под Дюнкерком британского экспедиционного корпуса. Тем не менее война набирала обороты, и ателье Вейги перешло на пошив военной формы для вермахта. В один прекрасный день, и день этот был воистину прекрасным – солнечный апрельский день, когда ветер приносил с моря волнующие соленые запахи корабельной смолы, рыбацких сетей и сохнувших на прибойной полосе водорослей, – Лунь осторожно спросил Вейгу, представляла ли она когда-нибудь его в роли своего мужа. Подумав, Вейга твердо сказала:

– Да.

– А если бы ты была режиссером, утвердила бы меня в этой роли?

– Скорее «да», чем «нет», – не менее осторожно отвечала Вейга.

В этот день они решили связать свои жизни брачными узами. Тихую скромную свадьбу они сыграли в кафе «У Регины». Со стороны жениха был только один гость – отставной ротмистр с усами колечками Теодор Рейнхарт. Он преподнес молодоженам свой боевой трофей, взятый в боях под «русским Верденом» – местечком Сморгонью – хорошо начищенный самовар-вазон. Лунь тут же отметил про себя, что под Сморгонью они воевали в одно и то же время, но по разные линии фронта. О, судьба! Теперь они сидят за одним – да еще свадебным – столом!

Подруга невесты, хозяйка ателье Илона Жемайтис, подарила патефон с набором танцевальных пластинок. Именно под них и танцевали в кафе. А вот мама Вейги приехать не смогла. Она жила под Варшавой и пассажирские поезда оттуда в Кёнигсберг пока не ходили.

Лунь преподнес Вейге в качестве свадебного подарка картину Бёклина «Остров мертвых».

– Ну, уж совсем не свадебная тема! – озадачилась Вейга.

– В тему, в тему! – заверил ее Лунь. – Это символ того, что мы не расстанемся до самой смерти! И потом это очень ценная картина. Бёклин сделал семь авторских повторений. Мне удалось установить, что это его восьмая авторская копия. Ее стоимость равна стоимости «майбаха».

– Ну, хорошо, убедил! Подарок принят. Спасибо! Где мы повесим эту картину?

– Где скажешь. Можно в гостиной. Там есть место.

Так и сделали.

* * *

Первая угроза их благоденствию с Вейгой возникла в сентябре 1940 года, когда полицейский остановил мотоцикл Луня, на котором тот доставлял отрезы «фельдграу» в ателье. Внимательно изучив документы, блюститель порядка обнаружил, что в паспорте Луня нет отметки военного коменданта об освобождении от военной службы.

– У меня есть медицинское свидетельство! – убеждал полицейского Лунь. – Там ясно сказано, что я не годен к военной службе по причине эпилепсии.

Но страж порядка был неумолим и отконвоировал на своем «цундапе» мотоцикл Луня – вместе с отрезами – в управление военного коменданта.

– Вам что, неизвестно, что вот уже месяц идет мобилизация мужчин до сорока пяти лет? – орал помощник коменданта. – Я обязан предать вас суду военного трибунала как злостного уклониста!

– Поверьте мне, господин обер-лейтенант, – молитвенно складывал ладони Лунь. – Клянусь именем матери – мне ничего неизвестно о призыве моего возраста!

– Вы что, с Луны свалились? Вам сорок четыре года и вы обязаны быть в строю! Позор для мужчины – уклоняться от военной службы, когда вся страна воюет!

– Но у меня...

И тут Лунь мастерски изобразил припадок эпилепсии. Не зря же его учил этому доктор медицинских наук в разведшколе: Лунь рухнул на пол и стал корчиться в конвульсиях, пустив по губам пену. Помощник коменданта вызвал врача. Тот подтвердил диагноз. Но обер-лейтенант не собирался сдаваться. Его стараниями Луню определили-таки годность к нестроевой службе III категории и направили в школу военных поваров, что находилась в Кёнигсберге.

Вейга была в шоке, когда увидела мужа в немецкой военной форме, сидевшей на нем весьма мешковато.

– Боже, что они с тобой сделали? Совсем небравый солдат Швейк!

– И не говори! – горестно махнул рукой Лунь. Он никак не ожидал такого поворота судьбы. Единственное, что его утешало – легализация через военную службу обещала быть более надежной, чем через должность кладбищенского фотографа.

* * *

Школа военных поваров размещалась в одной из казарм редута «Крон-принц» на Литовском валу. Больше всего Лунь опасался, чтобы кто-то из бывших знакомых не узнал его в Кёнигсберге, поэтому он сам напрашивался на всякие наряды и дежурства – лишь бы не выходить в город. За такое служебное рвение его уже через месяц произвели в «ефрейторы».

«Ефрейтор-майор, – невесело подтрунивал над собой Лунь. – Такого чина еще не было за всю историю военного дела».

Вейга несколько раз приезжала к нему в Кёнигсберг, привозя мужу его любимые домашние рыбные котлеты, которые ей удавались особенно хорошо. Заодно она снабжала будущего повара рецептами разных блюд, доставшимися ей от бабушки-кулинарши.

Они бродили по гребню Литовского вала и целовались в укромных уголках этого и без того малолюдного места.

В декабре 1940 года ефрейтор Швальбе сварил свой зачетный гороховый суп с клецками и свиной рулькой, и был аттестован военным поваром 2-й категории. К величайшей своей радости, он получил назначение – о, судьба-рулетка! – на ту самую береговую зенитную батарею в Мемеле, которую скрытно фотографировал полтора года тому назад. Служить неподалеку от своего дома – да об этом даже и не мечталось!

Новый повар был представлен старшему офицеру батареи, и началась его нелегкая служба под началом помощника командира батареи по хозяйственной части лейтенанта Ланге. Двадцатитрехлетний юнец годился ему в сыновья. Поначалу он вел себя очень заносчиво и официально. Но Лунь сумел подобрать к нему ключик, точнее, ключики – это были пончики с яблочным повидлом – вот, что любил лейтенант-сладкоежка после плаумкухен, пирожков со сливами. И то, и другое новый повар готовил ему персонально. Вообще, Лунь старался готовить на батарее вкусно, чтобы – не дай бог – его не перевели в другую часть, в другой город. Его усердие было отмечено повышением в чине. Теперь он носил нашивки обер-ефрейтора, а самое главное, его иногда отпускали на ночевку домой. И он приходил к Вейге с пакетом свежих пончиков или пирожков с ливером, чтобы было весьма кстати, так как с января 1941 года

все продукты в Мемеле вздорожали почти в два раза, а многие и вовсе исчезли из магазинов. Шел третий год, хоть и успешной, но довольно затяжной войны.

Лунь старательно вживался в роль простого служаки-повара, запретив себе вспоминать прошлую жизнь. У него не было прошлого. И если что-то наплывало из глубин памяти, он умело отстраивался от ненужных ему воспоминаний. Они были опасны, поскольку могли выбить его из выбранной роли. Он отмерил себе безопасную границу памяти – с того дня, когда он впервые приехал в Мемель и увидел на площади красивую женщину, к ногам которой чайка бросила мешочек с ключами. Это были ключи от его московско-кёнигсбергской жизни, и он наглухо запер все ходы, ведущие туда. Он никогда не был офицером русской армии, никогда не был майором Разведупра, кенигсбергским нелегалом-антикваром. Отныне и навсегда он – обычный мемельский бюргер, который бережет свой дом, свою крепость. Так повелел ему инстинкт самосохранения.

Глава третья

Роковая дата

Ко дню рождения фюрера обер-ефрейтор Швальбе был произведен в фельдфебели. Этому способствовало еще и то, что Вейга бесплатно шила в своем ателье платья и прочие наряды жене командира батареи, с которой нечаянно, но весьма кстати познакомилась в кафе «Толстая утка». Возможно, по ее протекции обер-фельдфебель Швальбе получил краткосрочный десятисуточный отпуск в разгар лета, а не слякотной осенью. Да еще тогда, когда многим военным отпуска поприветствовали по случаю особой обстановки. Но Швальбе дали, правда, с оговоркой, что в любой момент его могут отозвать в часть.

Вейга уговорила мужа съездить к маме, которая жила в генерал-губернаторстве – в ста километрах от Варшавы: в местечке Седльце. Собрав баулы с подарками и нарядами, супруги отправились на Зюдбанхоф, где очень удобно разместились в вагоне 2-го класса ночного экспресса. Утром, позавтракав домашними пирожками и неостывшим в термосе кофе, в прекрасном расположении духа они вышли на вокзале Варшава-Центральная. И тут благодущная жизнь была взорвана в мгновение ока: на перроне Лунь нос к носу столкнулся с капитаном Опитцем. Разыграть сцену «Вы, наверное, ошиблись, господин капитан» не удалось. Капитан на радостях схватил его за плечи и поволок в вокзальный буфет. Лунь сделал знак Вейге – я скоро вернусь – и положился на волю рока. По пути капитан засыпал его вопросами:

– Куда же ты делся? Я тебя так искал! Ты был так нужен! У меня для тебя крайне важная информация.

Поблизости никого не было, если не считать троих весьма шумных в дорожном подпитии летчиков. Капитан заказал по кружке пива. Со стороны казалось, что встретились два фронтовых товарища и вспоминают былые дни. Почти так все и было, за исключением той новости, которая – обухом по голове – ошеломила Луня.

– Гитлер собирается напасть на СССР 20 июня, – глядя в пивную кружку, сообщил Турман. – Сведения получены из очень надежных источников.

Сказав все это, капитан Опитц большими глотками допил пиво. Таить такой секрет в себе ему было просто мучительно, и теперь он наконец смог сбросить с души тяжелый груз.

– Войска потоком идут на восток. Ты сам видишь. Вся Варшава забита танками, техникой. Авиация сосредотачивается на полевых аэродромах. Фюрер сошел с ума – это война!

Капитан торопился. Они обменялись крепким рукопожатием и бесследно растворились в серо-зеленом воинском половодье.

Лунь лихорадочно соображал, кому и как передать эту архиважную жизнесущую для страны информацию? Собственно, ради этого сообщения и создавалась вся кенигсбергская сеть. Да только ли кенигсбергская? Это был триумф всей военной разведки – назвать точную дату нападения противника! Лунь безоговорочно доверял капитану Опитцу и ничуть не сомневался в верности его сведений. 20 июня! До вторжения оставалось всего семь дней, или еще неделя – как посмотреть. За это время можно успеть изготавиться и встретить войну в поле, во всеоружии. Но как передать эту весть в Москву? Ах, как поспешили там расправиться с таким кадрами, как Орлан! Что же теперь делать? Прийти в советское консульство в Кёнигсберге? Подбросить письмо в почтовый ящик? Но от чьего имени? От имени «Турмана»? Но он же человек Луня, ему тоже нет доверия...

Лунь оборвал все связи со своим ведомством. Значит, надо действовать по-другому...

Немецкому фельдфебелю Швальбе сегодня поверят больше, чем своему, кадровому, разведчику – майору Северьянову. Это факт. «Немцу поверят, а мне нет!» Эта мысль просто убивала, но она же и подсказывала план действий. Надо перейти границу и под видом немецкого

патриота, бывшего коммуниста, передать дату вторжения... Но откуда у заурядного фельдфебеля сведения такой важности? Обязательно спросят и наверняка не поверят. Тут нужна дополнительная легенда. И очень убедительная...

«Мой старший брат служит в люфтваффе и общается с крупными бонзами на аэродроме Растенбург...» Пусть не поверят до конца, но ведь должны же насторожиться. Ведь наверняка и по другим каналам поступают подобные сведения... А если не поступают? А вдруг он один обладает точной датой начала войны?

А Вейга? А что сказать Вейге? Ну, да – война, перевели в другую часть. А потом сообщат – пропал без вести. Для нее это будет ударом и каким...

А что будет с ним на той стороне? Наверняка профильтруют и поймут, что за птица этот псевдофельдфебель Швальбе! Но это будет потом, позже. Главное – успеть предупредить. И даже если разберутся и выяснят что к чему, – так, может, простят и оценят, какую информацию он передал? А если все-таки капитан ошибся? Тогда точно голову на плаху – как провокатора фашистской разведки, перевербованного абвером. О, формулировки там найдутся – каленые, рубленые, убийственные...

Ладно... Это все шкурные интересы. Главное – передать, а там видно будет. Как говаривал бравый солдат Швейк: «Пусть будет, как будет, ведь как-нибудь да будет, ведь никогда не было, чтобы никак не было!» Или как повторял дед при сложном выборе: «Бог не без милости, казак не без удачи!»

Вейге надо будет сообщить, что его переводят к новому месту службы. А там – война, и никаких вопросов.

Но неужели война? Неужели Гитлер решится воевать на два фронта? Правда, никакого фронта в Европе нет. Есть Англия, загнанная на свой остров, как крыса в угол. Бои идут где-то в Северной Африке да на морях. А вот в Европе руки у Гитлера практически развязаны... Понимают ли это в Москве? Наверняка понимают. Наверняка готовятся к отпору. И тут так важно – жизненно важно знать эту точную дату – 20 июня 1941 года! Всего лишь два слова. Но как? Как их передать?

Лунь бродил по варшавскому вокзалу, как сомнамбула. Надо было на что-то решаться. Вдруг накатило сомнение: а нужна ли вся эта суета? Ведь если эта дата известна всего-навсего капитану люфтваффе, наверняка берлинская агентура выведала ее у более высокопоставленных фигурантов. Лунь почти согласился с этим выводом и даже успокоился. Он вернулся к Вейге, но какой-то червячок тревожно точил душу. Вейга тоже встревожилась:

– Что случилось? На тебе лица нет!

– Встретил сослуживца. Он сказал, что всех отзывают из отпусков. Надвигаются серьезные дела...

– Ты что-то скрываешь от меня...

– Нет. Будет еще одна война. Здесь, на востоке. Тебе надо немедленно увозить маму в Мемель! Здесь будет опасно.

– И тебе тоже надо срочно возвращаться?

– Да, но сначала я провожу тебя к маме.

Вейга расстроилась, но не раскисла.

– Я вернусь вместе с тобой. Мы соберем маму в один день и уедем все вместе.

– Посмотрим, как пойдет дальше... – сказал Лунь.

Пассажирские поезда на восток от Варшавы ходили только до Седльце. Дальше к границе продвигались одни воинские эшелоны. В Седльце, на вокзале, забитом военными, их встретил старший брат Вейги, Казик Заритовски, бывший улан-хорунжий, а ныне малый без определенных занятий. Казик носил фамилию матери, а Вейга – отца. Но оба они были очень похожи, как близнецы.

Со слов Вейги Лунь знал, что Казик числился в списке «живых торпед», и за ним охотилось гестапо, как охотилось оно и на всех остальных, кто пожелал быть живыми торпедами для польского военно-морского флота. Перед самым началом Второй мировой войны военное ведомство, осознав малосильность польского флота в сравнении с его вероятными противниками – германским кригсмарине и советским Краснознаменным Балтийским флотом, объявило набор добровольцев в отряд «человекоуправляемых торпед». Свыше полутора десятков молодых патриотов, в том числе и девушек, записались в него; подал заявление и хорунжий Казимир Заритовский. Все они были готовы пожертвовать жизнью ради независимости Польши, то есть направить свои «живые торпеды» на вражеские корабли. Однако приобрести такую подводную технику министерство обороны не успело. А списки добровольцев попали после сентября 1939 года в руки гестапо...

Казик отобрал у них оба чемодана и понес сам, радуясь долгожданным гостям, июньскому солнцу и своей силе. Лунь пытался вернуть себе свою ношу, но Казик так и не отдал чемодан до самого дома. Хорошо, что он был не так далеко от вокзала. Вейгина мама, совсем еще не старая женщина, встретила их у калитки в палисадник, обняла дочь, потом зятя. И вскоре в доме под черепичной крышей и кронами лип собралась вся седлецкая родня. Всем было интересно взглянуть на избранника Вейги, так что застолье очень напоминало свадьбу, разве что невеста была в дорожном наряде, да и жених тоже. Лунь смотрел на них с некоторым угрызением совести: скольких же людей он подставит, если гестапо его однажды раскроет... Однако гостям он, судя по всему, понравился несмотря на «немецкое» происхождение. Разошлись поздно, молодоженам отвели место для ночлега в бывшей девичьей комнате Вейги, приспособленной теперь под швейную мастерскую. Полночи Лунь проворочался без сна. То обдумывал план перехода через границу, то пытался убедить себя, что надо оставить все как есть. Пусть будет, как будет. Но под самый рассвет выбрался из постели, переоделся в свою форму и тихо постучался к Казiku.

– Мне пора уходить! Вейге я сказал, что нас отправляют на запад, но на самом деле я должен ехать на восток...

Не проснувшийся толком свояк молча кивал головой.

– Я не хочу ее пугать, поэтому скажи ей, что меня срочно вызвали в часть. И передай ей эту записку.

– Тебя проводить?

– Спасибо. Доберусь сам.

Они обнялись и распрощались. Дом спал. Спала и улица, ведущая к вокзалу. Лишь на станции, несмотря на ранний час, кипела жизнь: с каменной ramпы – грузовой площадки – заезжали на платформы танки. Солдаты закрепляли их гусеницы проволокой. Пушки танков смотрели в сторону восточной границы. Лунь скорее по привычке, чем для дела, от которого его отлучили, пересчитал количество платформ и запомнил значок дивизии на башне. За платформами шли несколько вагонов для самих танкистов.

– До Тересполья довезете? – спросил он высокого рыжего штаб-фельдфебеля, стоявшего у вагонной подножки с сигаретой.

– Дорого будет стоить...

– Сколько?

– Три пачки сигарет.

– У меня только одна.

– Давай одну. И занимай место, скоро поедem, – рыжий щедро поделился сигаретой. –

Отстал от своих?

– Отпустили на денек к жене.

– Повезло. А моя женушка сама ко мне приезжает.

– Тоже неплохо.

В вагоне, битком набитом солдатами, Лунь пристроился в уголке, рядом с рыжим штаб-фельдфебелем, и поскольку ночь была испорчена, попытался уснуть, слегка вытянув ноги и откинув голову. Вольно или невольно, он прислушивался к солдатским разговорам, стараясь понять, знают ли эти парни, куда и на что едут?

Похоже, что не знали. Кто-то всерьез талдычил про Индию, где можно заразиться всякими страшными лихорадками.

– Ты думаешь, Сталин, в самом деле пропустит нас через свою территорию?

– Куда он денется, если мы въедем на танках!

– И ты надеешься всерьез добраться до Индии на танках?

– А железные дороги на что?

– Разве у Сталина есть железная дорога на Индию?

– Дурак. А Иран на что? Вон, смотри, Отто уже «Камасутру» изучает! К встрече с индианками готовится.

– Идиоты! – огрызнулся Отто. – Это «Евангелие».

– Думаешь, поможет?

– Тебе-то уж точно нет.

Часа через полтора эшелон с танками прибыл в Тересполь, последнюю перед границей станцию. Поодаль, на запасных путях, стояли два бронепоезда. Лунь попрощался с рыжим попутчиком и поспешил в город. Собственно, это было всего лишь местечко, некогда примыкавшее к Бресту, почти как заречный городской район. Теперь оно было отрезано от города пограничным Бугом и наводнено войсками всех родов оружия.

В светлеющем предрассветном сумраке Лунь увидел, как с ревом и лязгом съезжает с грузовой ramпы на трейлерные многоколесные тележки странная гусеничная машина, похожая на бетономешалку. За ней следовал небольшой подъемный кран, тоже на гусеничном ходу... И еще один. Сначала он подумал, что это саперные машины, строительная техника... Видимо, будут строить какие-то укрепления. Вон и крытые грузовики выстраиваются за тяжеловозами в колонну... Но пригляделся – и похолодел: то, что он принимал за «бетономешалку», оказалось толстенной бочкообразной гаубицей с зачехленным жерлом, а кран – это снарядоподъемник, в грузовиках же должны были быть уложены сами снаряды чудовищного калибра! Об этих сверхмощных орудиях он только слышал краем уха – осадные гаубицы типа «Карл».

За первой колонной следовал второй такой же монстр, похожий на гибрид бизона и гусеницы-плодожорки. Со всей очевидностью, этим батареям предстояло крушить своими – полуметровыми в обхвате! – снарядами крепостные стены, доты, подземные укрытия... Более зримого признака надвигающейся войны представить было нельзя. Ради одного этого стоило бы пересечь границу и сообщить своим то, что сейчас им точно никто не сообщит.

Опасаясь фельджандармов, Лунь решил укрыться до вечера в каком-нибудь частном доме. Но фельджандармы были озабочены отселением горожан-поляков из приграничной полосы. Вся восточная часть местечка была объявлена для тереспольцев запретной зоной. Военные же могли проходить беспрепятственно. Фельджандармам помогали пограничники, которых, как выяснилось из случайно услышанного разговора, сняли с границы, а вместо них ходили вдоль Буга армейские патрули. Все это, вместе с бронепоездами на станции, с огромным скоплением войск и непрерывным их рассредоточении, вкупе со множеством других примет, яснее ясного говорило о неизбежности нападения.

Чтобы собраться с мыслями, Лунь зашел в православную церковь посреди русского кладбища. Службы не было, но храм был открыт, женщина у свечного ящика с удивлением и неприязнью покосилась на немца, вошедшего в трапезную – принесла нелегкая праздношатающегося оккупанта, интересно ему видите ли...

Лунь постоял перед большой настенной иконой Николая Чудотворца и тихо попросил у него помощи в переходе границы. Переходить нелегально границу его учили в разведшколе, но

ни разу не приходилось это делать по жизни. Он весьма смутно представлял себе, как это произойдет сегодня ночью. Разумеется, ночью он переплывет Буг. Но надо еще подойти к реке, не вызывая ничьих подозрений. В кармане у него лежал отпускной билет, выписанный в Седльце, за полтораста километров от Тереспоя. Как объяснить фельджандармам, зачем его принесло в это местечко?

Фельджандармов он увидел сразу же, как только вышел из кладбищенских ворот на дорогу, ведущую одним концом в городок, другим – к Бугу. Двое рослых «кеттенхунде» – «цепных пса» – со стальными горжетами на цепочках прогоняли паренька, который вознамерился порыбачить в Буге.

– Цурюк! Цурюк! Ферботен зонен!

Обескураженный рыбак с удочками на плече поплелся в город. Лунь догнал его за поворотом. Он протянул ему двадцать марок.

– Спшедай мне вендки!²

Паренек вылупил на него, пока не сообразил, что за эти деньги он купит себе десять новых удочек. И тут же протянул товар:

– Проше пана!

Продажа состоялась. В придачу к удочкам Лунь получил еще ведро и жестянку с червями. Теперь он вполне обоснованно мог появиться на берегу реки. До Буга было рукой подать, и через четверть часа Лунь, пройдя по берегу подальше от города, забросил лески в довольно быструю воду. Он был хорошо прикрыт ивняком, к тому же на стволе поваленного дерева можно было переждать светлое время с некоторым комфортом. Он снял фуражку и повесил на сук, расстегнул мундир – жарко, и тут же принялся отбиваться от беспощадных к чужеземцам комаров. До темени оставалось часов семь, и все эти долгих-предолгих четыреста двадцать минут надо было просидеть над удочками в комарином рое. Он готов был это сделать – главное, чтобы никто не помешал его «рыбалке». За два часа поодаль лениво прошел разомлевший на солнце армейский патруль, не заметив в кустах рыбака. Да если бы и заметили, Лунь смог бы отговориться-отшутиться. Солдаты – не пограничники, с пограницами ладить труднее.

Это был самый длинный и мучительный вечер в его жизни. Но все же он благополучно закончился. Да еще хорошим клевом, чего Лунь никак не ожидал – рыбак он был аховый, а тут выдернул из воды одного окунька и трех подлещиков: на уху хватило бы! Однако надо было готовиться к решающему броску...

Солнце ушло за Варшаву, Берлин и еще дальше, тень левого берега перекрыла русло до половины, а дальше шла светлая полоса – короткая летняя ночь никак не хотела чернеть, тем более что вода, как хорошее зеркало, все еще отражала последний почти истаявший сумеречный свет. Его вполне хватало, чтобы открыть огонь по пловцу-нарушителю как с немецкого берега, так и с советского.

Русло в этом месте было не самым широким – не более сорока метров, а может, и поменьше. Но течение быстрое, с воронками, вирами, со спутанными струями. Пониже вода громко журчала, обтекая застрявшую корягу.

Лунь снял сапоги и прихватил их поясом так, чтобы они смотрели подошвами вверх, держа воздух. Лишняя плавучесть не мешает. Плавал он хорошо, но незнакомая река могла таить немало сюрпризов.

Снял фуражку и зашвырнул ее на середину реки: головной убор поплыл, как ладья, кружась и кренясь. Ни с того, ни с этого берега никого не заинтересовал плывущий предмет.

Посмотрел на светящийся циферблат – почти полночь; часы, подарок Вейги, завернул в носовой платок и спрятал в жестянке из-под наживки. Авось не промокнут!

² Продай мне удочки (польск.).

«Вперед!» – скомандовал он сам себе и бесшумно вошел в воду. Быстро присел, и, не чуя от волнения холода, поплыл брассом. Греб сильными рывками, не щадя мышц. Порой надолго уходил в воду с головой, чтобы как можно меньше быть на виду. Несмотря на мощную работу рук и ног его все же сносило по течению, но не дальше взятого упреждения. Самое главное – никаких выстрелов ни с той, ни с другой стороны не раздалось. Ночная тишина нарушалась лишь звуками бегущей воды да легким плеском плывущего человека. Переплыл! Выбрался на топкую отмель почти на четвереньках, ожидая немедленного оклика: «Стой, кто идет?» Однако никто его не окликал, и он даже успел отжать одежду. Пошел напролом сквозь речные заросли, шумя листвой, хрустя сломанными под ногами ветками. «Где же вы, бойцы в зеленых фуражках? Неужели тоже сняли с обхода наряды?» Никто его не останавливал, никто не задерживал. «Вот дела! Хоть самому иди на погранзаставу, знать бы еще, где она расположена». Лунь даже слегка покричал:

– Эгей! Эге-гей!

– Чего шумишь? – окликнули его из кустов.

«Ну, наконец-то!» – обрадовался Лунь.

Двое пограничников – в темноте они различались только по росту – повыше и пониже – приближались к нему с разных сторон, оба в плащ-накидках, с выставленными винтовками.

– Не стреляйт! У меня ест важный информатьон для советски командований!

– Никто и не собирается тут стрелять. Давай вперед!

Лунь охотно двинулся вперед. Наряд шел сзади, не спуская с нарушителя глаз. «Повезло ребятам, настоящего нарушителя поймали. Наградят чем-нибудь... Может, даже в отпуск отправят».

Старший наряда подсоединил телефонную трубку к розетке, вмонтированной в пень, и вызвал тревожную группу. Группа ехала минут десять. За это время Лунь изрядно продрог в мокрой одежде – зуб на зуб не попадал. Приехал крытый брезентом «ЗИС-5». На нем куда-то повезли в сопровождении шести красноармейцев с овчаркой. Куда везли, Лунь не видел, но сидел в темноте кузова и глупо улыбался: приятно было слушать родную речь, приятно было вдыхать запах махорки, и эта строгая собака ему тоже была приятна. Чужой среди своих, но все-таки – своих!

Как ни таили пограничники дорогу, но характерных зданий Крепости не утаишь, и Лунь, едва только ему велели вылезать, сразу понял, что привезли его в цитадель, где, по всей вероятности, и располагалась погранзастава. Во всяком случае, какой-то пограничный штаб. Его допрашивал старший лейтенант с большими залысинами на широком лбу. Так же широко были посажены и его недоверчивые, почти неподвижные глаза.

– Кто вы и с какой целью перешли границу?

– Я ест фельдфебель 223-го зенитный полк Уго Швальбе. Перешел Буг, чтобы сказать советский командований, что 20 июнь германский войска начнут война.

– Откуда вам это известно?

– От мой родственник. Это гауптман люфтваффе Герхард фон Опитц. Командер функ-батальон, радиосвязь. Он служит рядом с полевой ставка фюрер.

– И что он вам сообщил?

– Что у фюрера ест решений начать война на востоке. Через два день.

– Откуда ему это известно?

– Он имеет связи с важным люди, – простучал зубами Лунь. Его трясло и от холода, и от всех переживаний. Но тем не менее он чувствовал себя счастливым: сделал то, что обязан был сделать. Он сделал то, к чему его готовили столько лет, и столько лет он шел к этому пику своей тайной работы.

Старший лейтенант записал показания перебежчика в протокол и только потом распорядился, чтобы немца накормили и переодели в сухое. Его отвели в маленькую камеру-изолятор,

выдали ватную фуфайку и солдатские шаровары. А чуть позже принесли алюминиевую миску с пшенной кашей и куском жареной трески. И Лунь снова тихо обрадовался и этой знакомой с детства каше – дед называл ее «блондинкой» – и русской солдатской одежде, и тому, что он сейчас на правом берегу Буга... Он прикорнул на откидной полке, но часа через два его разбудили и снова отвели на допрос.

На сей раз его расспрашивал через переводчика черноволосый с проседью майор-пограничник. Он не отрывал глаз от протокола допроса, вчитываясь в каждую строчку, поглаживая порой щеточку ежовских усов. На пальцах левой руки у него было выколото по букве: «МИША».

– Скажите, что вас заставило пойти на такой поступок? – спросил майор, и лейтенант-переводчик повторил вопрос на очень плохом немецком.

– Я коммунист, – сказал Лунь, и это было чистой правдой. Неважно, что он был не немецким коммунистом, а членом ВКП(б). – Я не голосовал за Гитлера. Я не хочу, чтобы в России ему было так же легко и просто, как в Польше или во Франции.

– У вас остались в Германии жена, дети, семья?

– Да. Осталась жена. Но она не немка.

– Это не имеет значения. Ведь ее репрессируют сразу же, как только узнают, что ее муж – перебежчик. Вы подумали о ее судьбе?

– Я думал о ее судьбе. Я очень люблю свою жену. Но гестапо ничего не успеет узнать и сделать. Война начнется 20 июня, и им уже будет не до обер-фельдфебеля Швальбе, пропавшего где-то без вести. Тем более что мой отпуск окончится только через неделю.

– Вы уверены в этой дате? – Майор расстегнул воротничок и потянулся к графину с водой. В кабинете было душно несмотря на распахнутое окно.

– Я уверен в этой дате, поскольку верю моему родственнику, капитану фон Опитцу. По характеру своей службы он имеет доступ к высокопоставленным лицам.

– Здесь записано, что он командир радиотехнического батальона по обслуживанию аэродрома полевой ставки фюрера. Это так?

– Да. Это так.

– В таком случае это серьезный источник информации. Вы можете назвать его адрес?

– Могу. Он живет в Кёнигсберге. Но служит в районе Растенбурга. Я встретил его на вокзале в Варшаве, и он мне сказал, что Гитлер нападет на СССР 20 июня.

– Вы отдаете себе отчет, что будет, если советское командование поверит вам и приведет войска в полную боевую готовность именно к 20 июня? Это уже повод для начала войны!

– Я понимаю только одно: советское командование должно быть готово к началу военных действий со стороны Германии именно 20 июня.

– Кто вы по должности?

– Старший повар-инструктор зенитной батареи.

– Н-да... А рассуждаете, как хороший оперативник! И я, и мы все должны вам поверить? А чем вы докажете, что это не провокация, господин старший повар-инструктор? – Майор поднял глаза, и они сверкнули, как дульные срезы двух пистолетов, нацеленных в упор.

– Я смогу это доказать только 20 июня.

– Хорошо. Если война начнется в указанный вами срок, я дам вам винтовку. Если же нет, расстреляю вас лично – вот этой рукой как провокатора и агента абвера!

– Я бы предпочел быть расстрелянным, но чтобы война не началась.

Майор впервые усмехнулся за весь допрос:

– Хороший ответ. Я запомню...

Он сорвал листок календаря. На новом листке чернела цифра «19».

Перебежчика увели в изолятор и целый день его не трогали.

Камера-одиночка – лучшее место для раздумий о жизни. Лунь перебирал варианты своих будущих действий, причем делал это машинально, повинуясь профессиональной привычке разрабатывать легенды и выстраивать линию поведения.

Итак, вариант первый: завтра начнется война и ему дадут оружие, и он станет выполнять свой мужской воинский долг под чужим именем, будет уничтожать врага. Возможно, и погибнет под фамилией фельдфебеля-перебежчика Карла Швальбе. Это все же лучше, чем получить пулю в затылок в энкавэдэшном подвальчике. Но скорее всего его отправят в тыл. Насчет винтовки майор сказанул явно для красного словца. Надо знать нравы и обычаи этого ведомства. В лучшем случае его используют как переводчика в лагере военнопленных или диктором в радиоагитмашинах. Но ведь и это тоже борьба.

Вариант второй: война – это всегда неразбериха, в кутерьме первых дней всегда есть шанс скрыться от своих преследователей. Он вернется на ту сторону, к Вейге. Они уедут в Мемель и заживут прежней жизнью. Но тогда придется выполнять свои – пусть поварские – но все равно военные обязанности. Ему придется остаться в рядах вермахта, что равносильно измене.

Вариант третий: война завтра не начнется и его расстреляют. Но об этом лучше не думать... А думать-то все равно надо. Вправе ли майор выполнить свою угрозу? У них в НКВД с такими вещами не церемонятся. Подумаешь, повар-перебежчик, да еще вроде как провокатор! Шлепнут как милого... Но информация о начале войны все равно ушла куда надо. Может, хоть насторожатся немного?.. Зря, что ли, Буг переплывал? С Бугом-то повезло... И вообще, ему много везло за последние годы. Однажды это должно кончиться. Может, как раз вот теперь и кончилось?

Всю пятницу 20 июня Лунь напряженно прислушивался из своей полуподвальной темницы: не бабахнет ли где пушка, не жажнет ли где выстрел, не затораторят ли пулеметы? Но все было тихо. Лишь привычные звуки мирного времени врываются в его зарешеченную форточку: визжал неподалеку стартер капризного мотора и водитель костерил его последними словами, с мерным боем сапог маршировали на обед рота за ротой, исходили трелями соловьи, орали мальчишки, гоняя мяч, голосил откуда-то издалека петух... Но перед глазами стояли готовые к бою бронепоезда, уползающие в рощицу тяжелые гусеничные «Карлы» со своими короткими, но широко разъявленными мортирами, и эти танки, съезжающие с платформ на ramпы... Война уже стояла вдоль всего Буга, как мощный паводок, напирющий на хилую плотину... Возможно, Опитц ошибся в дате. Но ведь и так ясно, что день-другой-третий и полыхнет, заревет, запыхает...

К исходу пятницы война не началась. Не началась она и ночью, которую Лунь провел без сна. И субботнее утро началось, как и вчерашнее, и позавчерашнее – светло и тихо.

Сразу же после завтрака – миски перловой каши с подсолнечным маслом и краюхи пшеничного хлеба с чаем – перебежчика вызвали на допрос. Майор с ежовскими усами встретил его тяжелым взглядом:

– Ну и где же ваша война, партайгеноссе Швальбе? Господин провокатор... Или как вас теперь прикажите величать? И что с вами прикажите делать?

– Расстрелять, как и обещали, – ответил Лунь на чистом русском языке. – А завтра или послезавтра – пожалуйть о содеянном.

Но майор в запале ярости даже не заметил, что перебежчик заговорил без акцента.

– Ты меня завтраками не корми! Я и сам могу тебе спеть: «Если завтра война, если завтра в поход!...» Так что молчи в тряпочку. И готовься к царству небесному!

Майор снял трубку:

– Семенов? Работа есть – готовь команду! С боевыми патронами. Да! Куда, куда... Как всегда – на второй полигон.

Лунь прекрасно понял зловещий смысл этих слов. Теперь у него оставался последний козырь.

– Товарищ майор. У меня есть для вас крайне важное сообщение. Попрошу, чтобы переводчик оставил нас одних.

Майор, молча, кивнул лейтенанту, и тот исчез. Лунь глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду, и, чеканя каждое слово, заявил:

– Я не фельдфебель Карл Швальбе. Я майор советской военной разведки Юрий Северьянов – из кенигсбергской резидентуры. Прошу сообщить в любой орган военной разведки, что я нахожусь у вас. Моя агентурная кличка – «Лунь».

Надо было видеть, как округлились и без того круглые глаза пограничника.

– Почему вы сразу об этом не сказали?

– Обязан был соблюдать легенду до последней возможности. Вы у меня ее отняли.

Майор поиграл бровями, осмысливая все услышанное. Потом еще раз снял трубку:

– Семенов, второй полигон на сегодня отставить. Ты меня понял? Отбой.

Вдавил трубку в гнездо аппарата и, глядя в стол, сказал:

– Хорошо. Я доложу руководству.

Конвоир увел Луня в камеру. «Расстрел временно отменяется!» – поздравил себя Лунь. Он представил себе всю цепочку, по которой должна пройти его информация. Сначала майор доложит начальнику своего погранотряда, тот сообщит в штаб погранокруга. Оттуда доклад пойдет в Москву, на Лубянку. Никто не разбежится, чтобы сразу сообщить о нем в ближайший орган военной разведки. Между Разведупром РККА и внешней разведкой НКВД существовало давнее соперничество. И пока руководство НКВД не оценит все свои выгоды в отношении передачи задержанного агента Разведупра, пройдет, возможно, несколько суток, учитывая надвигающиеся выходные дни, в которые никому не хочется иметь лишних забот. Так что раньше понедельника, то есть 23 июня, его судьба вряд ли решится. Что будет потом, когда он окажется в родной системе, просчитывалось весьма туманно. Но легенда была уже давно проработана в деталях: сопровождавший его резидент Петер видел, что его сняли с поезда немецкие пограничники, скажем, за неправильно оформленные документы. Затем к нему проявила интерес тайная полиция, и Лунь вынужден был перелегалizоваться с запасным паспортом. Он «залег на дно» в Мемеле. А дальше пусть все будет так, как было на самом деле: работа фотографом на кладбище, Вейга, женитьба, призыв в вермахт, школа поваров, береговая батарея... Главное, что он ускользнул от гестапо, никого выдавал и не предавал; его личная агентурная сеть не пострадала и законсервирована. Все обвинения могли быть только из прошлого, из подковерных интриг, которые погубили Орлана и не только его одного... Тогда никакие подтверждения кенигсбергской легенды не помогут.

На ужин принесли миску макарон по-флотски, белый хлеб с кубиком масла и чай с сахаром. Вот они, первые плоды его нового положения! Осознав, что он отыграл у судьбы еще несколько дней жизни, Лунь безмятежно уснул, тем паче, что теперь ему принесли подушку и одеяло – как вроде бы своему...

И снилась ему родная станица на Хопре, зеленая заводь Кардаила с заброшенными удочками, низкое небо в грозových облаках и прыгающими одним за другим поплаватками... Перед дождем всегда хороший клев. А вот и небо гроыхнуло-поыхнуло, и ливень по воде секанул, и пошло грохотать, да так, что затряслась земля и заплескалась вода...

Лунь приоткрыл глаза: земля, то есть каменный пол, и в самом деле тряслась. И грохотало не на шутку. Он вскочил, метнулся к зарешеченной фрамуге и сразу же понял: никакой это не гром, а орудийная пальба, и все вокруг дрожит от разрывов крупнокалиберных снарядов...

Война!

Вот оно!

Началось!

На минуту он испытал чувство огромного душевного облегчения: его информация подтверждалась на все сто! Он не зря рисковал башкой, переплывая Буг, не зря столько лет торчал в Кёнигсберге.

Вглядывался в узкий проем фрамуги, но ничего, кроме ярких вспышек в предзвездных сумерках, не увидел. Потом почувствовал резкий запах гари – тянуло из-под двери: здание горело. Он застучал в дверь кулаками, потом сапогами, но никто его не слышал, никто не приходил, никому не было дела до странного арестанта. «Забыли они про него, что ли? Не хватало еще задохнуться в этой камере».

Лунь стал орать изо всех сил, однако массивная дубовая дверь глушила и крики, и удары. Но он все бил и орал, бил и орал... Нет, про него явно забыли! А дышать становилось все труднее и труднее. Подергал решетку – куда там! Даже не дрогнула, ржавая зараза! Да и фрамуга слишком узка – голова не пролезет. И он снова набросился на дверь, молотя ее то каблуками, то кулаками. В глазах темнело... К горлу подступал комок обиды – как глупо: задохнуться в первые же минуты войны. В изнеможении он присел на койку, оторвал клочок простыни, помогил на нее, а потом свернул ткань в три раза и приложил ко рту и носу, как маску. Именно так они спасались от газов под Сморгонью, когда под рукой не оказывалось противогаза.

И тут произошло чудо – дверь распахнулась! На пороге стоял молоденький пограничник и, держа винтовку под мышкой, свирепо тер глаза – едкий дым ел их нещадно.

Лунь в одну секунду метнулся к нему и выдернул винтовку. Боец и ахнуть не успел, как оказался безоружным.

– Давай за мной! – крикнул ему Лунь, передергивая на ходу затвор. С оружием в руках он окончательно воспрянул духом.

– Эй, дядя, отдай винтовку! – канючил малый. – Я ж за нее головой отвечаю...

– Отдам, племян, когда патроны кончатся! – обещал ему Лунь. – Где начальство-то твоё?

– Никого нет, все куда-то побегли... Отдай винтовку-то, слышь?

– Дуй за мной и не робей! – Лунь выскочил в проезд между зданием погранзаставы и длинным корпусом трехэтажной казармы. Слева были Тереспольские ворота с полыхающей огнем башней, справа... Лунь глянул направо и понял, что бежать надо именно туда, потому что в ту сторону мчались полуодетые красноармейцы кто с винтовками, а кто с сапогами в руках. Из нижних и даже верхних окон горевшей казармы выпрыгивали бойцы и, матерясь, бежали за остальными, которые-то наверняка знали – куда надо бежать и что делать. Но, увы, никто этого в кромешном аду разрывов и взрывов, конечно же, не знал. Бежали по наитию, подальше от вздымающейся земли и летящих осколков, бежали туда, где может быть тихо и где знают что делать.

– Дяденька, отдай винтовку-то! – ныл сзади парень с зелеными петлицами, которого не пугала эта огненная кутерьма, а страшила мысль о суде за утраченное оружие.

Лунь рассердился:

– Хрен тебе, а не винтовку, вахлак! Оружие надо в руках держать, а не под мышкой. Ты бы еще между ног ее засунул!

– Так мне сказали, что ты наш...

– Да, наш я, наш! Постреляю немцев и тебе отдам.

Взвыли мины, и Лунь ничком бросился на землю. Парень вдруг по-детски вскрикнул и упал рядом. Из затылка его торчал осколок, намертво прибив фуражку к голове – алая кровь заливала зеленую тулью.

Лунь перевернул убитого на спину и снял с него ремень с подсумками. Ни патроны, ни винтовка тому уже были не нужны... На минуту он испытал чувство вины перед этим пацаном. Все-таки именно он открыл ему дверь, спас от дыма, а вместо благодарности... Эх!.. Переживать было некогда. Обстрел усиливался. Удары горячего воздуха от ближних разрывов били в уши, били по глазам, по всему телу. Через каждую секунду цвенькали пули. И непонятно было,

куда стрелять, в кого целиться – смерть неслась отовсюду. Лунь скатился в воронку и, прикрыв голову руками, стал ждать либо смертного часа, либо конца огненного урагана... Последний раз под обстрелом он был двадцать шесть лет назад – на позициях под Сморгонью. Теперь надо было привыкать заново.

...Он вдруг вспомнил, как впервые побывал в Брестской крепости. Это было летом 1935 года – всего шесть лет назад! Друг их «молодой семьи», польский офицер, поручик Эдвард Буслик, пригласил Луня и Клару на праздник «Вянки». В этот день Крепость традиционно распахивала свои ворота для горожан. Народ толпился на Саперной пристани у Тереспольских ворот, где солдаты гарнизона устраивали водную феерию: по Бугу плыли мастерски сплетенные из ивняка и рогозы «крокодилы» и «морские чудовища». А посреди цитадели стоял аттракцион «Рай и ад», сделанный саперами из свайнобойного копра. Кабинка с любителями острых ощущений то взлетала вверх – в «рай», то неслась вниз и уходила под землю – в «ад» – под непристойные выкрики ряженых чертей. И будто накликали они этот ад на Крепость! Сама преисподняя разверзается теперь посреди цитадели в огненных кустах взлетающей земли и горящих «небельверкерах»...

Глава четвертая

Брест – город невест. 17–21 июня 1941 г.

Этот фотосалончик при поляках «Штука портрета», а при Советах «Искусство портрета», что на улице Колеёвой, а теперь Железнодорожной, в Бресте знали многие. С его витрины улыбались записные красотики и шикарные женихи. Помимо всего прочего здесь еще устраивались и брачные судьбы. Двойра Гиппенрейтер, жена фотографа Боруха Гиппенрейтера, была успешной свахой, а также владелицей небольшой парикмахерской на вокзале.

Борух, сорокапятiletний брюнет с округлым животиком, повесил на дверь своего фотографического кабинета табличку «Закрывается на обед. Но потом будет» и поднялся на второй этаж, где располагались две жилые комнаты – спальня и кабинет, а также кухня и чулан для хранения стеклянных негативов.

– Двойра! – позвал он жену.

Та откликнулась с кухни, где жарила картофельные драники:

– Уже все готово! Иди скоренько! Ладки любят, когда их едят горячими!

И она поддела на сковороде очередной румяный, весь пропитанный рапсовым маслом драник.

Борух сел за стол и придвинул тарелку со стопкой драников, пересыпанных тмином.

– А что, Двойра, война будет?

– Таки да.

– А кто тебе так сказал? – Борух обильно сдобрил драники сметаной.

– Циля так сказала. Она всегда все знает.

– Какая Циля? У которой мужа нет?

– Нет. Та Циля, у которой муж портной. Он шьет мундиры для «советов». И все «советы» говорят, что немец нападет.

– Гм-м... Мой швагер тоже так говорит, – Борух отложил надкусанный драник и строго посмотрел на жену: – Двойра, закрой окно, я имею тебе сказать одну важную вещь.

Двойра, сорокалетняя дородная брюнетка приятной наружности, проворно захлопнула окно, распахнутое во внутренний дворик дома, и даже задернула занавеску.

– Я вся твоя, Борух!

– Вчера я имел большой разговор со швагером...

– Это который со стороны Сары или со стороны Зофьи?

– Со стороны Зофьи. Алекс. Ты его знаешь.

– Откуда я его знаю? Я его пару раз видела, и то один раз на свадьбе у Муси, а другой раз на похоронах дяди Мойши.

– Не перебивай меня, как Бога прошу! Да Алекс, Алекс из Тересполья! Муж Зофьи, да будет ей там хорошо, где нас пока нет!

– Что с Зофьей? Зофья померла?

– Нет, Двойра, она не померла. Ее немцы убили.

– Який жак! Что же молчал?!

– Я сам узнал об этом только вчера, – Борух вытер слезинку, наворачившуюся на правый глаз.

– А что швагер? Он же фольксдойче, почему он не заступился?

– Так он в лагере немецком сидел. За сентябрь. Потом его выпустили. И он приехал в Тересполь и не смог там жить. Ночью перешел границу и теперь в Бресте. Он пришел вчера ко мне, просил пожить немного времени. Но я сказал, что ты у меня сердечница и тебя волновать нельзя.

– Нельзя мене волновать. А ты волнуешь, и все тянешь, тянешь... Скажи мне важную вещь!

– Важная вещь, Двойра, в том, что швагер предложил мне купить наш дом.

– Но мы его не продаем!

– Мы его не продаем, но нам придется его продать. За хорошие гроши, Двойра...

– Борусь, ты фриш, гезунг ин мэшуге?!³ Продать дом?! Швагеру? Да чтоб ему в аду черти пятки лизали! И какие гроши он давал за наш дом?

– Таких грошей наш дом не стоит... На них можно новый купить в Минске.

– Так зачем нам жить в Минске?

– В Минск немцы не придут. А в Брест придут. И нас с тобой, как Сару в Буге утопят. А может, живьем зареют. Сама говоришь – война будет.

– Это Циля так говорит.

– Сама говоришь, Циля всегда все знает.

– Циля знает все. Но откуда у швагера такие гроши?

– Швагер продал свой дом в Тереспале, и еще у него было.

– А он не боится немцев?

– У него матка – полька, а отец – немец. Он фольксдойче. Но он не может простить немцам свою жонку.

– Но если в Брест придут немцы, ему снова жить под ними. Почему он сразу не купит дом в Минске?

– Двойра, это его дела. Нам нужно думать о себе.

– Таки я не верю твоему швагеру! Вор поцелует – пересчитай зубы: все ли на месте?

– Я тоже ему не очень верю. Темный ффраер. Но война будет, и нам уже надо ехать.

– Уже ехать? Так скоро? И куда ты все это повезешь?

– В Минск, конечно!

– Почему в Минск, а не в Оршу? Орша еще дальше.

– В Минске у меня есть дядя Пиня. Он там всех знает. Он поможет найти хороший дом.

А кто у тебя в Орше?

– В Орше подруга моей мамы, тетя Ася.

– А что она может?

– Она там акушерка. Она может все.

– В Орше будет мало клиентов. Надо ехать в Минск.

– Уже ехать в Минск?

– Швагер дает нам три дня на сборы.

– Да кто он такой, твой швагер, чтобы он нам давал три дня?!

– Двойра, это не он нам дает. Это Бог нам дает шанс. Сходи к Циле и узнай, когда будет война. Она все знает!

– Ты прав. Циля сказала, что война будет в начале лета. Они с мужем даже не торопятся делать заказы «советам», чтобы не ушло сукно.

– Твоя Циля – дура! Если сюда придут немцы, то ей придется из этого сукна шить саван. Если успеет.

– А почему ты думаешь, что сюда придут немцы? Может, «советы» погонят их в Германию?

– Циля, швагер видел и немцев, и «советов». Он говорит, что немцы сильнее. Немцы ходят в сапогах, а «советы» в обмотках. Ты видела, какие у них мешки за плечами? С такими только жабраки ходят.

³ Свеж, здоров и сошел с ума.

– Да они и есть жабраки! Они по нашим лавкам, как по музеям, ходят. Зыркают туда-сюда, глаза горят, скупают все, что видят. У них в России в магазинах одни консервы да сухари.

– А ты откуда знаешь?

– Циля сказала. А молочница Лукьяновна сказала, что пьяные солдаты разбили каплицу у них в деревне. Сломали крест при дороге. Какие безбожники! Разве Господь не отплатит им за это?

– Отплатит, отплатит... Вечером придет швагер и принесет гроши. За дом.

– Советские гроши?

– Ну, не злотые же?!

– Ты их видел? А может, они фальшивые? От этого поца всего можно ожидать.

– Двойра, лучше помолись за Сару. Мы вместе будем проверять эти гроши.

– А что я в них понимаю?

– Тогда позови Цилю.

– Зачем Циле знать, сколько у нас грошей?

– И то верно.

– Ой, права была мама, когда говорила: «Ме дарф нит дем ганцн кэз арайнлэгэйн ин эйн варэник» – нельзя весь сыр класть в один вареник!

– А моя мама говорила: «Ди штуб брэнт ун дер зейге гэйт» – дом горит, а часы идут. Этот дом мне достался от моего покойного папы.

– А я в этот дом вложила все силы, которые достались мне от моей мамы. Мне жалко наш дом, Борусь... Разве тебе здесь было плохо?

– Мне тут было хорошо, и даже очень. Но дом вот-вот загорится. И надо думать, чтобы наши часы шли без остановки. Вот только не надо этого – мокрых глаз. Ты же знаешь, я терпеть этого ненавижу!

– Но почему все так быстро?

– Жизнь – вообще быстрая штука, Двойра... Дай, я тебя обниму, моя козочка!

– Съешь еще пару ладок, мой козлик!

– Ой, да не могу я их уже видеть! Хоть бы ты курицу приготовила.

– А ты видел, почем куры на базаре? Лошадь можно купить за такую цену!

– Ну, купи хоть немного этой «конины»!

– Сам иди и купи. А мне жалко!.. О, Боже ж, как же при польском часе мы жили! А все герман проклятый! Пришел и все порушил. Ой, не хочу я в твой Минск ехать!

– Тогда поехали в твою Оршу!

Двойра села на широкий подоконник и разрыдалась в фартук.

Глава пятая

Семья генерала Коробова

Сталин и Тимошенко Жукову:

«Если вы там, на границе, будете дразнить немцев, двигать войска без нашего разрешения, тогда имейте в виду, что головы полетят».

А в ста километрах от Бреста, в Кобрине, в бывшем польском военном городке, похожем на старый усадебный парк, густо и сладко зацветала липа. Окна спальни сорокалетнего генерала Коробова, командующего 4-й армией, выходили прямо в крону пышной столетней липы. Людмила распахнула окна,пустила утреннюю прохладу и снова прыгнула в кровать.

Под утро она любила забираться на мужа и припадать к его широкой груди. Они поженились, когда ей было шестнадцать лет, а Саше аж целых двадцать пять. Он уже успел повоевать прапорщиком и стать красным командиром, и потому казался ей ужасно взрослым, и она, несмотря на двадцать прожитых вместе лет, вела себя с ним порой, как та девчонка, которую он однажды заприметил в церковном хоре родного Петровска. Заприметил и тут же взял замуж – без венца, но со всеми печатями и бумагами советского загса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.